

В стране невыученных уроков

В тот день, когда все это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Всего пять двоек за день! Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям, а вот пятую двойку поставили совсем несправедливо.

Даже смешно сказать, из-за чего мне вlepили эту несчастную двойку. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

- Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озер, рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили, а мне ясно, что если вода испаряется, то ее уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: "Он испарился". Это значит - "он исчез". Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы:

- Куда исчезает вода? А может быть, она все-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь как следует?

По-моему, я и так ответил как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашались. Есть у них такой отрицательный минус.

Кому охота спешить домой, если несешь в портфеле целую кучу двоек? Мне, например, неохота. Поэтому я и шел домой через час по столовой ложке. Но как медленно ни иди, а все равно придешь домой. Хорошо еще, что папа в командировке. А то сразу бы начался разговор о том, что у меня нет характера. Об этом папа вспоминал всегда, как только я приносил двойку.

- И в кого ты такой? - удивлялся папа. - Совсем нет характера. Не можешь взять себя в руки и хорошо учиться.

- Воли у него нет, - добавляла мама и тоже удивлялась: - В кого бы это?

Мои родители имеют твердый характер и сильную волю, а вот я, оказывается, почему-то не имею. Поэтому-то я и не решился сразу притащиться домой с пятью двойками в портфеле.

Чтобы подольше тянуть время, я заходил по дороге во все магазины подряд. В книжном я встретил Люсю Карандашкину. Она моя соседка два раза: живет в одном доме со мной, а в классе сидит позади меня. Нигде от нее нет покоя - ни в школе, ни дома. Люся уже успела пообедать и прибежала в магазин за тетрадями. Был здесь и Сережа Петькин. Он пришел узнать, не получены ли новые марки. Сережа покупает марки и воображает себя филателистом. А по-моему, так собирать коллекцию марок может каждый дурак, если у него есть деньги.

Я не захотел встречаться с ребятами, но они меня заметили и сразу же стали обсуждать мои двойки. Конечно, они доказывали, что Зоя Филипповна поступила справедливо. А когда я их припер к стенке, то вышло, что они тоже не знали, куда девается испарившаяся вода. Небось вlepила бы им Зоя за это по двойке - они бы сразу запели другое.

Мы спорили, кажется, немного шумно. Продавщица предложила нам выйти из магазина. Я сейчас же ушел, а ребята остались. Продавщица сразу догадалась, кто из нас лучше воспитан. А ведь завтра они будут рассказывать, что шум в магазине поднял я. Пожалуй, еще разболтают, что я на прощание показал им язык. А что тут, спрашивается, плохого? Анна Сергеевна, наш школьный врач, нисколько на это не обижается, она даже сама просит, чтобы ребята показали ей язык. А она-то уж знает, что хорошо, а что плохо.

Когда меня выставили из книжного магазина, я понял, что очень проголодался. Есть хотелось все больше, а идти домой - все меньше.

На пути остался только один магазин. Неинтересный - хозяйственный. В нем противно пахло керосином. Из него тоже пришлось уйти. Продавец три раза меня спросил:

- А что тебе здесь надо, мальчик?

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом...

Скрыть двойки было невозможно. Мама давно сказала, что читает в моих глазах все, что я хочу от нее скрыть, в том числе и то, что написано в моем дневнике. Какой же смысл врать?

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, сможет ли она прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек.

Кот Кузя спрыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждет от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает, что я пришел из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Я старался есть как можно медленней, но это не получалось, оттого что я сильно проголодался. Мама сидела напротив, смотрела на меня и ужасно молчала. Вот сейчас, когда я съем последнюю ложку компота, и начнется...

Но раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тетя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

- Немедленно садись за уроки, - приказала мама и взяла трубку.

За уроки, когда я так устал! Хотелось хоть часок отдохнуть и поиграть во дворе с ребятами. Но мама зажала трубку рукой и сказала, что я должен прогулку по магазинам засчитать себе за отдых. Вот как она умеет читать по глазам! Боюсь, что она прочтет и про двойки.

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

- Убери на своем столе! - крикнула вдогонку мама.

Легко сказать - убери! Я иногда просто удивляюсь, глядя на свой стол. Как много предметов на нем умещается. Тут рваные учебники и тетрадки в четыре листика, ручки, карандаши, линейки. Их, правда, теснят гвозди, шурупы, обрывки проволоки и другие нужные вещи. Я очень люблю гвозди. Они у меня есть всех размеров и разной толщины. А мама почему-то их совсем не любит. Она много раз выбрасывала их, но они снова возвращаются на мой стол, как бумеранги. Мама сердится на меня за то, что я больше люблю гвозди, чем учебники. А кто виноват? Конечно, не я, а учебники. Не надо быть такими скучными.

На этот раз я управился с уборкой быстро. Выдвинул ящик стола и сгреб туда все вещи. Скоро и удобно. И пыль сразу стирается. Теперь можно было приняться за уроки. Я раскрыл дневник, и передо мной замелькали двойки. Они были такие заметные потому, что их написали красными чернилами. По моему, это неправильно. Зачем писать двойку красными чернилами? Ведь все хорошее тоже отмечают красным. Например, праздники и воскресенья в календаре. Посмотришь на красную цифру - и радуешься: в школу ходить не надо. Пятерку тоже можно писать красными чернилами. А тройку, двойку и кол - только черными! Удивительно, как наши учителя сами не могут до этого додуматься!

Уроков, как нарочно, задали очень много. А день был солнечный, теплый, и мальчишки во дворе гоняли мяч. Интересно, кто стоял вместо меня в воротах? Наверно, опять Сашка: он давно метит на мое место у ворот. Это просто смешно. Все знают, какой он сапожник.

Кот Кузя устроился на подоконнике и оттуда, как с трибуны, следил за игрой. Кузька не пропускал ни одного матча, а папа и мама не верят, что он настоящий болельщик. И зря. Он даже любит слушать, когда я рассказываю о футболе. Не перебивает, не уходит, даже мурлычет. А кошки мурлычут только тогда, когда им приятно.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Бесплезно повторять то, чего все равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну и решил лучше заняться решением задачи.

Тут тоже ничего приятного не было. Какие-то землекопы рыли неизвестно для чего какую-то траншею. Не успел я выписать условия, как заговорил репродуктор. Можно было бы немножко отвлечься и послушать. Но чей голос я услышал? Голос нашей Зои Филипповны! Мало мне в школе надоел ее голос! Она по радио советы давала ребятам, как надо готовиться к экзаменам, рассказывала, как это делает наша лучшая ученица Катя Пятеркина. Так как готовиться к экзаменам я не собирался, радио пришлось выключить.

Задача была очень трудная и бестолковая. Я уже почти стал догадываться, как ее надо решить, но... в окно влетел футбольный мяч. Это ребята вызывали меня во двор. Я схватил мяч и хотел было вылезти через окно, но мамин голос догнал меня на подоконнике.

- Витя! Ты делаешь уроки?! - кричала она из кухни. Там у нее что-то кипело и ворчало на сковородке. Поэтому мама не могла прийти и выдать мне, что полагается за побег. Она почему-то очень не любила, когда я выходил через окно, а не через дверь. Хорош бы я был, если бы мама вошла!

Я слез с подоконника, швырнул ребятам мяч и ответил маме, что делаю уроки.

Снова открыл задачник. Пять землекопов выкопали траншею в сто погонных метров за четыре дня. Что бы придумать для первого вопроса? Я уже опять почти начал соображать, но мне снова помешали. В окно заглянула Люська

Карандашкина. Одна косичка была у нее перевязана красной лентой, а другая - распущена. И это не только сегодня. У нее почти каждый день так. То правая косичка распущена, то левая. Лучше бы она больше внимания обращала на свою прическу, чем на чужие двойки, тем более что у нее и своих хватает. Люся сказала, что задача о землекопах такая трудная, что даже ее бабушка не могла решить. Счастливая Люська! А у меня нет никакой бабушки.

- Давай решать вместе! - предложила Люська и через окно влезла в мою комнату.

Я отказался. Ничего хорошего из этого не вышло бы. Лучше уж самому.

Снова стал рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил скороговорку: "Погонщик в погонах погонял погонным метром..." Тут мама снова закричала из кухни. Я спохватился и стал сильно трясти головой, чтобы забыть о погонщике в погонах и вернуться к землекопам. Ну что мне с ними делать?

- А хорошо бы погонщика назвать Паганелем. Ну а землекопы? Как с ними быть? Может, помножить их на метры?

- Не надо помножать, - возразила Люся, - все равно ничего не узнаешь.

Назло ей я все-таки помножил землекопов. Правда, ничего хорошего про них не узнал, но зато теперь можно было переходить ко второму вопросу. Тогда я решил разделить метры на землекопов.

- Не надо делить, - опять вмешалась Люся - Я уже делила. Ничего не получается.

Конечно, я не послушал ее и разделил. Получалась такая ерунда, что я стал искать ответа в задачнике. Но, как назло, там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я все перерешил. Вышло, что работу должны были выполнить полтора землекопа. Почему полтора? Откуда я знаю! В конце концов, какое мне дело, сколько землекопов рыли эту самую траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу бы покончили с траншеей и работу бы скорей сделали, и школьникам бы голову не морочили. Ну, как бы там ни было, а задача решена. Можно уже побежать к ребятам. И я, конечно, побежал бы, но меня остановила Люська.

- А когда мы будем учить стихи? - спросила она у меня.

- Какие стихи?

- Как какие? Забыл? А "Зима. Крестьянин торжествуя"? Я никак не могу их запомнить.

- Это потому, что они неинтересные, - сказал я - Вот те стихи, что сочинили в нашем классе мальчишки, сразу запоминаются. Потому, что интересные.

Люся новых стихов не знала. Я их прочел ей на память:

Нам учиться целый день

Лень, лень, лень

Надоело!

Нам бы бегать и играть,

Мяч бы по полю гонять -

Это дело!

Люсе стихи так понравились, что она их сразу запомнила. Вдвоем мы быстро одолели "крестьянина". Я уже собирался потихоньку вылезти в окно, но Люся опять вспомнила - они должны вставлять в слова пропущенные буквы. У меня даже зубы занули от досады. Кому интересно делать бесполезную работу? Буквы в словах пропускают, как нарочно, самые трудные. По-моему, это нечестно. Как бы ни хотелось, а вставлять пришлось.

П..друга дней моих суровых,

Г..лубка дряхлая моя.

Люся уверяет, что это стихотворение Пушкин написал своей няне. Это ей сказала бабушка. Неужели Карандашкина считает меня таким простачком? Так я и поверю, что у взрослых бывают няни. Просто бабушка посмеялась над нею и все.

Но как же быть с этой "п...другой"? Мы посоветовались и решили уже вставить букву "а", как вдруг в комнату ввалились Катя и Женьчик. Не знаю, почему им вздумалось припереться. Я, во всяком случае, их не приглашал. Не хватало еще, чтобы Катька отправилась на кухню и доложила моей маме, сколько двоек я сегодня нахватал. Ко мне и Люсе эти зубрили относились свысока, потому что учились лучше нас. У Кати были выпученные круглые глаза и толстые косы. Этими косами она гордилась так, как будто их выдали

ей за хорошую успеваемость и отличное поведение. Говорила Катя медленно, нараспев, все делала с толком и никогда не спешила. А о Женьчике просто и рассказывать нечего. Он сам по себе почти и не говорил, а только повторял Катины слова. Женьчиком звала его бабушка, которая провожала его в школу, как маленького. Поэтому и мы все стали звать его Женьчиком. Только Катя звала его Евгением. Она любила все делать правильно.

Катя поздоровалась, как будто мы с нею сегодня не виделись, и сказала, посмотрев на Люсю:

- Опять у тебя коса расплелась. Это неряшливо. Причешись.

Люся боднула головой. Она не любила причесываться. Она не любила, когда ей делали замечания. Катя вздохнула. Женьчик тоже вздохнул. Катя покачала головой. Женьчик тоже покачал.

- Раз вы здесь оба, - сказала Катя, - мы вас двоих и подтянем.

- Подтягивайте скорей! - закричала Люся. - А то нам некогда. Мы еще не все уроки сделали.

- А какой у вас ответ получился в задаче? - спросила Катя, точь-в-точь как Зоя Филипповна.

- Полтора землекопа, - ответил я нарочно очень грубо.

- Неправильно, - спокойно возразила Катя.

- Ну и пусть неправильно. Тебе-то что! - ответил я и сделал ей страшную гримасу.

Катя опять вздохнула и опять покачала головой. Женьчик, конечно, тоже.

- Ей больше всех надо! - выпалила Люська.

Катя поправила свои косы и медленно сказала:

- Пойдем, Евгений. Они еще и грубят.

Женьчик рассердился, покраснел и самостоятельно выругал нас. Мы этому так удивились, что ничего ему не ответили. Катя сказала, что они сейчас же уйдут, и от этого будет хуже только нам, так как мы останемся неподтянутыми.

- Прощайте, лодыри, - ласково сказала Катя.

- Прощайте, лодыри, - пискнул Женьчик.

- Попутный ветер в спину! - гаркнул я.

- До свиданья, Пятеркины-Четверкины! - пропела смешным голосом Люська.

Это было, конечно, не совсем вежливо. Ведь они были у меня в доме. Почти в гостях. Вежливо - невежливо, а я их все-таки выставил. Да и Люська убежала вслед за ними.

Я остался один. Просто удивительно, до чего не хотелось делать уроки. Конечно, если бы у меня была сильная воля, я взял бы, назло себе, и сделал. Вот у Кати небось была сильная воля. Надо будет помириться с нею и спросить, как она ее приобрела. Папа говорит, что каждый человек может выработать волю и характер, если он борется с трудностями и презирает опасность. Ну а с чем мне бороться? Папа говорит - с ленью. Но разве лень - трудность? А вот опасность я бы с удовольствием презирал, да только где ее возьмешь?

Я был очень несчастным. Что такое несчастье? По-моему, когда человека заставляют силой делать то, что ему совсем не хочется, это и есть несчастье.

За окном кричали мальчишки. Солнце светило, очень сильно пахло сиреню. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и ужасно скучные. Но они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу о каких-то допотопных землекопах, вставлять пропущенные буквы, повторять никому не нужные правила и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно. Я так вдруг возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и что было сил швырнул на пол.

- Пропадите вы пропадом! Надоели! - закричал я не своим голосом.

Раздался такой грохот, словно с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно, как будто потухло солнце. А ведь оно только что светило. Потом комната озарилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков. На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знакомое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-рожки я пририсовал к кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

- А кто вы такие будете?

- Ты присмотришься внимательней - может быть, и узнаешь, - ответил человечек с кляксой.

- Он не привык глядеть на нас внимательно точка, - гневно сказал другой человечек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я все понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

- Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! - кричала География.

- Ты обливаешь нас чернилами! Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду, - надрывалась Грамматика.

- Почему вы так напали на меня? Разве Сережа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

- Пять двоек! - крикнули хором учебники.

- Но ведь я сегодня приготовил уроки!

- Сегодня ты неправильно решил задачу!

- Не усвоил зоны!

- Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика.

- Сегодня ты не повторил безударных гласных! Не знать родного языка – позор, несчастье, преступление!

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Тем более хором. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без безударных гласных, и без умения решать задачи, и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я в их присутствии нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, как вы думаете - что? Наказать? Ничего подобного! Спаси! Чудаки! От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну невыученных уроков. Человечки сразу же с нею согласились.

- А есть ли в этой стране трудности и опасности? - спросил я.

- Сколько угодно, - ответила География.

- Все путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два - четыре, - прибавила Арифметика.

- Каждый шаг там грозит опасностью для жизни! - старалась припугнуть меня Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны!

Никто не станет каждую минуту останавливать меня и кричать: "Не ходи! Не бегай! Не прыгай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!" - и еще десяток разных "не", которых я терпеть не могу.

Может, как раз в этом путешествии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером - вот папа удивится!

- А может быть, мы придумаем для него что-нибудь другое? - спросила География.

- Не надо мне другого! - закричал я. - Так и быть. Отправляюсь в эту вашу опасно-трудную страну.

Я хотел было спросить их, а удастся ли мне закалить там волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки. Но не спросил. Постеснялся.

- Решено! - сказала География.

- Ответ правильный. Перерешать не будем, - добавила Арифметика.

- Отправляйся немедленно, - закончила Грамматика.

- Ладно, - сказал я как можно вежливей. - Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолеты не летают, пароходы не плывут.

- Мы поступим так, - сказала Грамматика, - как всегда поступали в русских народных сказках. Возьмем клубок...

Но клубка у нас никакого не было. Мама не умела вязать.

- Есть ли у вас в доме что-нибудь шарообразное? - спросила Арифметика, и, так как я не понял, что такое "шарообразное", она объяснила: - Это все равно, что круглое.

- Круглое?

Я вспомнил, что тетя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь ее и отодрать нетрудно. География почему-то обиделась, замахала руками и закричала, что она не позволит. Что глобус - великое наглядное пособие! Ну и все такое прочее, что совсем не шло к делу. В это время в окно влетел футбольный мяч. Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.

Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой и навсегда останусь в Стране невыученных уроков.

После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой спрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя за мной.

- Назад! - крикнул я коту, но он не послушался.

- Я пойду с тобой, - заявил мой кот человеческим голосом.

- Теперь в путь, - сказала грамматика. - Повторяй за мной:

Ты лети, футбольный мяч,
Не вприпрыжку и не вскачь,
Не сбивайся на пути,
Прямо в ту страну лети,
Где живут ошибки Вити,
Чтобы он среди событий,
Полных страха и тревог,
Сам себе помочь бы смог.

Я повторил стихи, мяч сорвался с подоконника, вылетел из окна, а за ним полетели и мы с Кузей. География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

- Если тебе придется очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть выручу!

Мы с Кузей быстро поднялись в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не смотрел. Боялся - голова закружится. Чтобы не было очень страшно, я не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели - не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему веревочкой и он тащил нас на буксире. Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране?

Как хорошо, что Кузя увязался за мной! Как хорошо, что он стал разговаривать, как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться на мышей и ненавидел собак. Обожал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего болтал о собаках, мышах и еде. Все же он был малообразованным котом. Оказалось, в футболе он ровным счетом ничего не понимал, а смотрел потому, что вообще любит наблюдать за всем, что движется. Это ему напоминает охоту на мышей. Значит, слушал он про футбол только из вежливости.

Мы шли по лесной тропинке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним. За холмом мы увидели большой замок с высоченными воротами и каменным забором. Я присмотрелся к забору и заметил, что он состоит из огромных переплетающихся букв.

У моего папы есть серебряный портсигар. На нем вырезаны две переплетенные буквы - Д и П. Папа объяснил, что это называется вензелем. Так вот этот забор и был сплошным вензелем. Мне даже кажется, что он был и не каменный, а из какого-то другого материала.

На воротах замка висел замок килограммов сорок весом. По обеим сторонам входа стояли два странных человека. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям, как палка.

Согнутый держал огромную ручку, а прямой - такой же карандаш. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошел поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал их обоих и заявил, что, по его мнению, они все-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей назвали их Крючок и Палка. Наш мяч рвался в ворота. Я подошел к ним и

хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт? Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

- Ты кто? - отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бока, закричал во весь голос:

- Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!

Вежливо ответил, что я ученик четвертого класса. Крючок покрутил головкой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покосился на Кузю и спросил:

- А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

- Это кот, - объяснил я Крючку, - он животное. А животные имеют право не учиться.

- Имя? Фамилия? - допрашивал Крючок.

- Перестукин Виктор, - ответил я, как на переключке.

Если бы вы видели, что стало с Палкой!

- Ох! Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! - без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд.

Мне это здорово надоело. Мяч привел нас в Страну невыученных уроков. Почему же мы должны стоять у ее ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я понял, что действую правильно.

Палка подал громадный ключ и закричал:

- Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: "замочек" и "ключик". Если сумею, ключ тут же отперет замок. Отчего же не сумею! Подумаешь, хитрость, какая! Неизвестно, откуда появилась классная доска и повисла перед самым моим носом прямо в воздухе.

- Пиши! - крикнул Палка и подал мне мел.

Я сразу написал: "ключ..." - и остановился.

- Пиши! Дальше! - приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК. Как правильно - ключИК или ключЕК? То же самое было и с "замочком". ЗамочИК или замочЕК? Было над чем подумать.

Есть же какое-то правило... А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется... Но причем тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый совет. Я уже собирался так и сделать, но Палка закричал:

- Нельзя! Неуч! Невежда! Увы! Пиши! Сразу! Правильно! - Почему-то он ничего не говорил спокойно, а только все выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя все время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

- Зря расселся, - сказал Кузя, - все равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил. Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

- Если в родительном падеже слова в суффиксе выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает - пишется ЧИК.

Это не трудно проверить: именительный - замочЕК, родительный - замочКА. Ага! Буква выпала. Значит правильно - замочЕК. Теперь совсем легко проверить и "ключик". Именительный - ключИК, родительный - ключИКа. Гласная остается на месте. Значит, надо писать "ключИК".

Палка захлопал в ладоши и закричал:

- Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: "ЗАМОЧЕК, КЛЮЧИК". Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперед, а мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

Мы прошли по пустым комнатам и очутились в огромном зале. Здесь кто-то крупно написал красивым почерком прямо на стенах правила грамматики. Путешествие наше начиналось очень удачно. Я легко вспомнил правило и

открыл замок! Если все время будут встречаться только такие трудности, мне и делать здесь нечего...

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую елочку, его можно было бы принять за Деда Мороза. Белый плащ старика был расшит блестящим черным шелком. Когда я хорошенько рассмотрел этот плащ, то увидел, что он весь вышит знаками препинания.

Возле старика вертелась сгорбленная старушка со злыми красными глазками. Она все что-то шептала ему на ухо и показывала на меня рукой. Старуха нам не понравилась сразу. Кузе она напоминала бабушку Люси Карандашкиной, которая часто била его веником за то, что он воровал у нее сосиски.

- Надеюсь, вы примерно накажете этого невежду, ваше величество, Глагол Повелительного Наклонения! - сказала старушка.

Старик важно посмотрел на меня.

- Перестань! Не злись, Запятая! - приказал он старушке.

Оказывается, это была Запятая! Ох и кипятилась же она!

- Как же мне не злиться, ваше величество? Ведь мальчишка еще ни разу не поставил меня на мое место!

Старик строго посмотрел на меня и поманил пальцем. Я подошел.

Запятая еще больше засуетилась и прошипела:

- Посмотрите на него. Сразу видно, что он безграмотный.

Неужели это было заметно по моему лицу? Или она тоже умела читать в глазах, как моя мама?

- Расскажи, как ты учишься! - приказал мне Глагол.

- Скажи, что хорошо, - прошептал Кузя, но я как-то постеснялся и ответил, что учусь, как все.

- А знаешь ли ты грамматику? - ехидно спросила Запятая.

- Скажи, что отлично знаешь, - снова подсказал Кузя.

Я толкнул его ногой и ответил, что знаю грамматику не хуже других. После того, как я при помощи своих знаний открыл замок, я имел полное право так ответить. И вообще уже хватит задавать мне вопросы, какие у меня отметки.

Я, конечно, не стал слушать глупые Кузины подсказки и заявил ей, что отметки у меня разные.

- Разные? - зашипела Запятая. - А вот это мы сейчас проверим.

Интересно, как это она могла сделать, если я не взял с собой дневника?

- Давайте документы! - завопила старуха противным голосом.

В зал вбежали человечки с одинаковыми круглыми личиками. У одних были вышиты на белых платяцах черные кружочки, а у других - крючочки, у третьих - и крючочки и кружочки. Два человечка внесли какую-то огромную синюю папку. Когда они развернули ее, я увидел, что это была моя тетрадь по русскому языку. Она почему-то стала чуть не с меня ростом.

Запятая показала первую страницу, на которой я увидел свой диктант. Теперь, когда тетрадь увеличилась, он выглядел еще безобразней. Ужасно много поправок красным карандашом. А сколько клякс!.. Наверно, тогда у меня было очень плохое перо. Под диктантом стояла двойка, похожая на большую красную утку.

- Двойка! - злорадно объявила Запятая, как будто и без нее не было ясно, что это двойка, а не пятерка.

Глагол приказал перевернуть страницу. Человечки перевернули. Тетрадка жалобно и тихо застонала. На второй странице я написал изложение. Кажется, оно было еще хуже диктанта, потому что под ним стоял кол.

- Перевернуть! - приказал Глагол.

Тетрадь застонала еще жалобней. Хорошо, что на третьей странице ничего не было написано. Правда, я на ней нарисовал рожицу с длинным носом и косыми глазами. Ошибок здесь, конечно, не было, потому что под рожицей я написал всего два слова: "Эта коля".

- Перевернуть? - спросила Запятая, хотя отлично видела, что дальше переворачивать некуда. В тетради насчитывалось всего три страницы. Остальные я вырвал для того, чтобы сделать из них голубей.

- Довольно, - приказал старик. - Как же ты, мальчик, говорил, что отметки у тебя разные?

- Разрешите мне мяукнуть? - неожиданно вылез Кузя. - Прошу прощения, но мой хозяин не виноват. Ведь в тетрадке не только двойки, но есть и единица. Значит, отметки все-таки разные.

Запятая захихикала, а Палка в восторге закричал:

- Ах! Ох! Уморил! Ой! Потеха! Умник!

Я молчал. Непонятно, что со мной делалось. Уши и щеки горели. Я не мог смотреть старику в глаза. Так, не глядя на него, я и сказал, что он знает, кто я, а я не знаю, кто они такие. Кузя меня поддержал. По его мнению, это была нечестная игра. Глагол внимательно выслушал нас, обещал показать всех своих подданных и познакомить с ними. Он взмахнул линейкой - раздалась музыка, и на середину зала выбежали человечки с кружочками на одежде. Они стали плясать и петь:

Мы ребята точные,

Мы зовемся Точками.

Чтобы правильно писать,

Где нас ставить, надо знать.

Наше место надо знать!

Кузя спросил, знаю ли я, где их надо ставить. Я ответил, что иногда ставлю правильно.

Глагол снова взмахнул линейкой, и Точек сменили человечки, на платяицах которых были вышиты две запятые. Они взялись за ручки и спели:

Мы веселые сестрички,

Неразлучные Кавычки.

Если я открою фразу, - спела одна, -

Я ее закрою сразу, - подхватила другая.

Кавычки! Знаю я их! Знаю и не люблю. Поставишь их - говорят, не надо, не поставишь - говорят, вот здесь-то и надо было поставить кавычки. Никогда не угадаешь...

После Кавычек вышли Крючок и Палка. Ну и смешная же это была парочка!

Крючок запел толстым голосом:

Меня и брата знает всякий,

Мы выразительные знаки.

Я самый значительный -

Вопросительный!

А Палка спел совсем коротко:

Я самый замечательный -

Восклицательный!

Вопросительный и Восклицательный! Старые знакомые! Они были немножко лучше остальных знаков. Их реже надо было ставить, поэтому за них реже и попадало. Они все же были приятней, чем эта злобная горбунья Запятая. Но она уже стояла передо мной и пела своим скрипучим голосом:

Хоть я лишь точка с хвостиком,

Невелика я ростиком,

Но я в грамматике нужна

И всем для чтения важна.

Все люди, без сомнения,

О том, конечно, знают,

Что важное значение

Имеет Запятая.

У Кузи даже шерсть стала дыбом от такого нахального пения. Он попросил у меня разрешения оторвать у Запятой хвостик и превратить ее в Точку. Разумеется, я не разрешил ему хулиганить. Может быть, мне самому хотелось кое-что сказать старухе, но надо же себя как-то сдерживать. Нагрубишь, а потом тебя отсюда и не выпустят. А уйти от них давно уже хотелось. С тех самых пор, как я увидел свою тетрадь. Я подошел к Глаголу и спросил его, нельзя ли мне уйти. Старик не успел и рта раскрыть, как Запятая заверещала на весь зал:

- Ни за что! Пусть сначала докажет, что знает правописание безударных гласных!

Тут же она стала придумывать различные примеры.

На мое счастье, в зал вбежала огромная собака. Кузя, конечно, зашипел и вскочил мне на плечо. Но собака и не собиралась на него кидаться. Я нагнулся и погладил ее по рыжей спинке.

- Ах, ты любишь собак! Очень хорошо! - ехидно сказала Запятая и хлопнула в ладоши. Тут же передо мной опять повисла в воздухе черная доска. На ней было написано мелом: "С...бака".

Я быстро сообразил в чем дело. Взял мел и вписал букву "а". Получилось: "Сабака".

Запятая расхохоталась. Глагол нахмурил седые брови. Восклицательный заахал и заохал. Собака оскалилась и зарычала на меня. Я испугался ее злой морды и побежал. Она погналась за мной. Кузя отчаянно шипел, вцепившись когтями в мою куртку. Я догадался, что неправильно вставил букву. Вернулся к доске, стер "а" и написал "о". Собака тут же перестала рычать, лизнула мою руку и выбежала из зала. Теперь я никогда не забуду, что собака пишется через "о".

- Может быть, только эта собака пишется через "о"? - спросил Кузя. - А все другие через "а"?

- Кот такой же невежда, как его хозяин, - хихикнула Запятая, но Кузя ей возразил, что собак он знает лучше, чем она. От них, по его мнению, можно всегда ожидать любой подлости.

Пока шел этот разговор, в высокое окно заглянул солнечный луч. В зале сразу посветлело.

- Ах! Солнце! Чудесно! Прелестно! - радостно выкрикивал восклицательный.

- Ваше величество, солнце, - шепнула Запятая Глаголу. - Спросите невежду...

- Хорошо, - согласился Глагол и махнул рукой. На черной доске исчезло слово "собака" и появилось слово "со..нце".

- Какая буква пропущена? - спросил Вопросительный.

Я прочел еще раз: "Со..нце". По-моему, тут ничего не пропущено. Просто ловушка! А я в нее не попадусь! Если все буквы на месте, зачем же вставлять лишние? Что было, когда я об этом сказал! Запятая хохотала как сумасшедшая. Восклицательный плакал и ломал ручки. Глагол хмурился все больше и больше. Луч солнца скрылся. В зале стало темно и очень холодно.

- Ах! Увы! Ох! Солнце! Умираю! - вопил Восклицательный.

- Где солнце? Где тепло? Где свет? - беспрерывно, как заведенный, спрашивал Вопросительный.

- Мальчишка рассердил солнце! - гневно гремел Глагол.

- Я замерзаю, - плакал Кузя и прижимался ко мне.

- Отвечай, как пишется слово "солнце"! - приказал Глагол.

В самом деле, как пишется слово "солнце"? Зоя Филипповна всегда советовала нам изменять слово так, чтобы все сомнительные и скрытые буквы вылезали наружу. Быть может, попробовать? И я начал выкрикивать: "Солнце! Солнышко! Солнечный!" Ага! Вылезла буква "л". Я схватил мел и быстро вписал ее. В эту же минуту солнце снова заглянуло в зал. Стало светло, тепло и очень весело. В первый раз я понял, как сильно люблю солнце.

- Да здравствует солнце через букву "л"! - весело запел я.

- Ура! Солнце! Свет! Радость! Жизнь! - кричал Восклицательный.

Я завертелся на одной ножке и тоже стал выкрикивать:

Солнышку веселому

Школьный наш привет!

Нам без солнца милого

Просто жизни нет.

- Замолчать! - рявкнул Глагол.

Я так и замер на одной ножке. Веселье сразу пропало. Даже стало как-то неприятно и страшновато.

- Прибывший к нам ученик четвертого класса Виктор Перестукин, - сурово говорил старик, - обнаружил редкое, безобразное невежество. Проявил презрение и нелюбовь к родному языку. За это он будет сурово наказан. Я удаляюсь для вынесения приговора. Заключение Перестукина в квадратные скобки!

Глагол ушел. Запятая побежала за ним и все время приговаривала на ходу:

- Никакой пощады! Только никакой пощады, ваше величество!

Человечки принесли большие железные скобки и поставили их слева и справа от меня.

- Все это очень плохо, хозяин, - серьезно сказал Кузя и стал махать хвостом. Он всегда так делал, когда бывал чем-нибудь недоволен. - Нельзя ли улизнуть отсюда?

- Это было бы очень здорово, - ответил я, - но ты же видишь, что я арестован, заключен в скобки и нас сторожат. Кроме того, и мяч лежит неподвижно.

- Бедный! Несчастный! - застонал Воскликательный. - Ох! Ой! Увы! Увы! Увы!

- Тебе страшно, мальчик? - спросил Вопросительный.

Вот чудачки! Почему мне должно быть страшно? Почему меня нужно жалеть?

- Не надо злить сильных, - сказал Кузя. - Одна моя знакомая кошка по имени Киса имела привычку злить цепного пса. Каких только гадостей она ему не говорила! И вот однажды пес сорвался с цепи и навсегда отучил ее от этой привычки.

Добрые знаки волновались все больше и больше. Воскликательный твердил, что я не понимаю опасности, которая надо мной нависла. Вопросительный задал мне кучу вопросов и под конец поинтересовался, нет ли у меня какой-нибудь просьбы.

Чего бы это попросить? Мы с Кузей посоветовались и решили, что сейчас самое время позавтракать. Знаки объяснили мне: я получу все, что пожелаю, если правильно напишу свое желание. Конечно, тут же выскочила доска и повисла передо мной. Чтобы не ошибиться, мы с Кузей обсудили этот вопрос еще раз. Кот не мог придумать ничего более вкусного, чем любительская колбаса. Я больше люблю полтавскую. Но в словах "любительская" и "полтавская" можно наделать пропасть ошибок. Поэтому я решил попросить просто колбасы. Но есть колбасу без хлеба не очень-то вкусно. И поэтому для начала я написал на доске: "Хлеп". Но никакого хлеба мы с Кузей не увидели.

- Где же ваш хлеб?

- Написано неправильно! - хором ответили знаки.

- Не знать, как пишется такое важное слово! - проворчал кот.

Придется есть колбасу без хлеба. Делать нечего.

Я взял мел и крупно вывел: "Калбаса".

- Неправильно! - закричали знаки.

Я стер и написал: "Калбоса".

- Неправильно! - завопили знаки.

Я опять стер и написал: "Колбоса".

- Неправильно! - заорали знаки. Я разозлился и швырнул мел. Они просто издевались надо мной.

- Поели и хлеба, и колбасы, - вздохнул Кузя. - Непонятно, зачем мальчики ходят в школу. Неужели тебя там не научили правильно написать хоть одно съедобное слово?

Одно съедобное слово я, пожалуй, мог бы написать правильно. Я стер "колбасу" и написал "лук". Тотчас же появились Точки и внесли на блюде очищенный лук. Кот обиделся и зафыркал. Он не ел лука. Я его тоже не любил. А есть хотелось ужасно. Мы начали жевать лук. Из глаз потекли слезы.

Вдруг раздался гонг.

- Не плачь! - крикнул Восклицательный. - Еще есть надежда!

- Как ты относишься к Запятой, мальчик? - спросил Вопросительный.

- По мне, она вовсе не нужна, - ответил я откровенно. - Читать можно и без нее. Ведь когда читаешь, то не обращаешь на запятые никакого внимания. А вот когда пишешь и забудешь ее поставить, тебе непременно попадет.

Восклицательный еще больше расстроился и стал охать на все лады.

- А ты знаешь, что запятая может решить судьбу человека? - спросил Вопросительный.

- Хватит рассказывать сказки, я не маленький!

- Мы с хозяином уже давно не котята, - поддержал меня Кузя.

В зал вошли Запятая и несколько Точек, которые несли большой свернутый лист бумаги.

- Это приговор, - объявила Запятая.

Точки развернули лист. Я прочел:

ПРИГОВОР по делу невежды Виктора Перестукина:

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ.

- Казнить нельзя! Помиловать! Ура! Помиловать! - радовался Восклицательный. - Казнить нельзя! Ура! Прекрасно! Великодушно! Ура! Чудесно!

- Вы думаете, казнить нельзя? - серьезно спросил Вопросительный. Видно, он сильно сомневался.

О чем они говорят? Кого казнить? Меня? Да какое они имеют право? Нет, нет, это какая-то ошибка!

Но Запятая ехидно посмотрела на меня и сказала:

- Знаки неверно понимают приговор. Казнить тебя надо, помиловать нельзя. Вот так надо и понимать.

- За что казнить? - закричал я. - За что?

- За невежество, лень и незнание родного языка.

- Но ведь тут ясно написано: казнить нельзя.

- Это нечестно! Мы будем жаловаться, - вопил Кузя, хватая запятую за хвостик.

- Ах! Ох! Ужасно! Не переживу! - стонал Восклицательный.

Мне стало страшно. Хорошо же расправились со мной мои учебники! Вот как начались обещанные опасности. Просто не дали человеку оглядеться как следует - и пожалуйста, сразу вынесли смертный приговор. Тут уж хочешь или не хочешь, а справляйся сам. Пожаловаться некому. Здесь никто не защитит. Ни родители, ни учителя. Милиции и суда здесь тоже, конечно, нет. Прямо как в старое время. Что царь захотел, то и делал. Вообще этого царя, его величество Глагол Повелительного Наклонения, следовало бы тоже ликвидировать, как класс. Распоряжается тут всей грамматикой!

Восклицательный ломал ручки и все время выкрикивал какие-то междометия. Из его глазок катились мелкие слезки. Вопросительный приставал к Запятой:

- Неужели вы ничем не можете помочь несчастному мальчику?

Они все-таки были славные ребята, эти знаки!

Запятая немного поломалась, но потом ответила, что я сам мог бы себе помочь, если бы знал, где надо поставить запятую в приговоре.

- Пусть он наконец поймет, какое значение имеет запятая, - важно сказала горбунья. - Запятая даже может спасти человеку жизнь. Вот пусть Перестукин и постарается спасти себя, если он этого хочет.

Конечно, я этого хотел!

Запятая хлопнула в ладошки, и на стене появились огромные часы. Стрелки показывали без пяти минут двенадцать.

- Пять минут на размышление, - скрипела старуха. - Ровно в двенадцать запятая должна стоять на месте. В двенадцать часов и одну минуту уже будет поздно.

Она сунула мне в руку большой карандаш и сказала:

- Раз!

Часы тут же принялись громко отстукивать и отсчитывать время: "Тик-так, тик-так, тик-так". Вот протекают несколько раз - и минута долой. А их всего пять.

- Вопросы будут? - дрожащим голосом спросил Вопросительный.

- Будут, - обрадовался я. - Куда мне поставить запятую?

- Увы! Решай сам! - заплакал Воскликательный.

Кузя подбежал к нему и стал ласкаться.

- Подскажи, подскажи моему хозяину, где надо поставить эту проклятую запятую, - умолял Кузя. - Подскажи, просят же тебя как человека!

- Подсказать? - завизжала Запятая. - Ни в коем случае! У нас подсказка строго запрещена!

А часы тикали. Я взглянул на них и обомлел: они уже успели отстучать три минуты.

- Зови Географию! - завопил Кузя. - Разве ты не боишься смерти?

Я боялся смерти. Но... а как же тогда быть с закаливанием воли? Я же должен презирать опасность, а не бояться ее? А если я сейчас струшу, где я потом опять достану себе опасность? Нет, это мне никак не подходит. Звать никого нельзя. Что я, в самом деле, скажу Географии? "Здравствуйте, уважаемая География! Извините за беспокойство, но я, понимаете, немножко сдрейфил..."

А часы тикали.

- Торопись, мальчик! - закричал Воскликательный. - Ох! Ах! Увы!

- Знаешь ли ты, что осталось всего две минуты? - тревожно спросил Вопросительный.

Кузя заурчал и вцепился когтями в подол Запятой.

- Ты желаешь мальчику смерти, - злобно шипел кот.

- Он ее заслужил, - ответила старуха, отдирая kota.

- Что же мне делать? - нечаянно вслух спросил я.

- Рассуждать! Рассуждать! Ах! Увы! Рассуждать! - выкрикивал Восклицательный. Слезки лились из его печальных глазок.

Хорошенькое дело - рассуждать, когда... Если я поставлю запятую после слова "казнить", то будет так: "Казнить, нельзя помиловать". Значит, получится - нельзя помиловать? Нельзя!

- Увы! Ох! Несчастье! Нельзя помиловать! - зарыдал Восклицательный. - Казнить! Увы! Ох! Ах!

- Казнить? - спросил Кузя. - Нам это не подходит.

- Мальчик, разве ты не видишь, что осталась всего одна минута? - Сквозь слезы спрашивал Вопросительный.

Одна последняя минута... А что будет потом? Я зажмурил глаза и стал быстро-быстро рассуждать:

- А если поставить запятую после слов "казнить нельзя"? Тогда получится: "Казнить нельзя, помиловать". Вот это нам и надо! Решено. Ставлю.

Я подошел к столу и нарисовал большую запятую в приговоре после слова "нельзя". В ту же самую минуту часы пробили двенадцать раз.

- Ура! Победа! Ах! Хорошо! Чудесно! - радостно прыгал Восклицательный, а вместе с ним и Кузя.

Запятая сразу подобрела.

- Помни, что, когда ты даешь своей голове работу, всегда добиваешься цели. Не сердись на меня. Лучше подружись со мной. Когда ты научишься ставить меня на мое место, я не причиню тебе никаких неприятностей.

Я твердо обещал ей, что научусь.

Наш мяч зашевелился, и мы с Кузей заторопились.

- До свидания, Витя! - кричали вслед знаки препинания. - Мы еще с тобой встретимся на страницах книг, на листах твоих тетрадей!

- Не путай меня с братом! - кричал Восклицательный. - Я всегда восклицаю!

- Ты не забудешь, что я всегда спрашиваю? - спрашивал Вопросительный.

Мяч выкатился за ворота. Мы побежали за ним. Я оглянулся и увидел, что все машут мне руками. Даже важный Глагол выглянул из окна замка. Я помахал им всем сразу обеими руками и бросился догонять Кузю.

Долго еще слышались выкрики Восклицательного. Потом все смолкло, и замок скрылся за холмом.

Мы с Кузей шли за мячом и обсуждали все, что с нами произошло. Я был очень рад, что не вызвал Географию, а спас себя сам.

- Да, это вышло удачно, - согласился Кузя. - Мне припоминается похожая история. Один мой знакомый кот по имени Трошка служил в мясном отделе магазина самообслуживания. Он никогда не ждал, пока продавец расщедритя и бросит ему довесок. Трошка самообслуживался: он сам угощал себя лучшим куском мяса. Этот кот всегда говорил: "Никто так о тебе не позаботится, как ты сам".

Что за противная привычка была у Кузи - десять раз на дню рассказывать всякие некрасивые истории про каких-то драных кошек и котов. Чтобы облагородить Кузю, я стал рассказывать ему о дружбе между людьми и животными. Вот, например, он сам, Кузя, вел себя как верный друг, когда я попал в беду. Теперь уж я могу на него положиться. Кот замурлыкал на ходу. Видно, ему нравится, когда его хвалят. Но тут же он вспомнил какую-то рыжую кошку по имени Фроська, которая говорила: "Ради дружбы отдам последнюю мышь". Мне стало ясно, что облагородить его не удастся. Кузя - животное неподдающееся. Даже сама Зоя Филипповна ничего не смогла бы с ним поделаться. Я решил рассказать ему еще одну полезную историю, которую слышал от папы.

Я рассказывал Кузе, как кошки и собаки стали друзьями человека, как человек выбрал их среди других диких животных. И что же мне ответил мой нахальный кот? Собаку, по его мнению, человек выбрал сам - и совершил ужасную ошибку. Ну а кошку... с кошкой все обстояло совсем не так: не человек выбрал кошку, а, наоборот, кошка выбрала человека.

Меня так рассердили Кузины рассуждения, что я надолго замолчал. Продолжай я с ним разговаривать, так он, чего доброго, дошел бы до того, что объявил бы царем природы не человека, а кошку. Нет, Кузиным воспитанием надо было заняться серьезно. Почему я раньше не задумывался об этом? Почему я раньше вообще ни о чем не задумывался? Запятая сказала, что если я дам своей голове работу, то всегда выйдет толк. И, правда.

Я подумал тогда у ворот, вспомнил правило, которое почти забыл, и оно мне здорово пригодилось. Помогло мне это и тогда, когда я с карандашом в руках решал, куда ставить запятую. Я бы, наверно, никогда не отставал в классе, если бы думал о том, что делаю. Конечно, для этого надо слушать на уроке, что говорит учительница, а не играть в "крестики - нолики". Что я, глупее Женьчика, что ли? Если я закалю волю и возьму себя в руки, еще неизвестно, у кого будут лучшие отметки к концу года.

А интересно было бы посмотреть, как справилась бы на моем месте Катя. Хорошо, что она не видела меня в замке у Глагола. Вот разговоров было бы... Нет, все же я доволен, что побывал в этой стране. Во-первых, я теперь всегда буду правильно писать слово "собака" и "солнце". Во-вторых, я понял, что правила грамматики учить все же надо. Они могут пригодиться при случае. А в-третьих, оказалось, что знаки препинания в самом деле нужны. Вот если бы мне дали прочесть целую страницу без знаков препинания, смог бы я ее прочесть и понять, что там написано? Я бы читал, читал, не переводя дыхания, пока не задохнулся. Что тут хорошего? Кроме того, я мало что понял бы от такого чтения.

Так я думал про себя. Кузе все это рассказывать было не к чему. Я так раздумался, что не сразу заметил, что кот начал жаловаться на жару. В самом деле, стало очень жарко. Чтобы подбодрить Кузю, я затянул песенку, и Кузя подхватил:

Мы весело шагаем,

Мы песенку поем.

Опасность презираем!

На трудности плюем!

Дальше мы петь не смогли. Во рту пересохло. Очень хотелось пить. Трава под ногами сильно пожелтела. Листья свернулись в трубочку. Земля стала твердая, словно асфальт, а местами даже потрескалась.

Ах, как хотелось пить, но нигде не было ни одного ручейка. Кузя изнывал от жажды. Я сам много бы дал за стакан газированной с сиропом. Даже без сиропа... Но об этом можно было только мечтать...

Мы шли мимо русла высохшей речки. На его дне, как на сковородке, валялись сухие рыбки.

- Куда девалась вода? - жалобно спрашивал Кузя. - Неужели тут нет ни графинов, ни чайников, ни ведер, ни кранов? Нет всех этих полезных и хороших вещей, из которых добывается вода?

Я молчал. Мой язык как будто высох и не ворочался.

А наш мяч все катился. Он остановился только на полянке, выжженной солнцем. Посредине нее торчало голое скрюченное дерево. А вокруг поляны скрипел сухими черными ветками голый лес.

Я сел на холмик, засыпанный пожелтевшими листьями. Кузя прыгнул мне на колени. Ох, как нам хотелось пить! Я даже не знал, что можно так хотеть пить. Все время я как будто видел холодную струю. Она так красиво льется из крана и весело поет. Вспоминался мне и наш хрустальный кувшин, и даже капельки на его хрустальных бочках.

Я закрыл глаза и, как во сне, увидел тетю Любашу: на углу нашей улицы она продавала газированную воду. Тетя Любаша держала стакан холодной воды с вишневым сиропом. Ах, этот стаканчик бы! Пусть без сиропа, пусть даже не газированной... Да что там стаканчик! Сейчас я мог бы выпить целое ведро.

Вдруг холмик подо мной зашевелился. Потом стал расти и сильно раскачиваться.

- Держись, Кузя! - закричал я и скатился вниз.

- Здесь горки и те сумасшедшие, - ворчал Кузя.

- Я не горка, я верблюд, - услышали мы чей-то жалобный голос.

Наша "горка" встала на ноги, отряхнула с себя листья, и мы в самом деле увидели верблюда. Кузя тут же выгнул спинку и спросил:

- А не собираетесь ли вы съесть мальчика и его верного кота?

Верблюд сильно обиделся.

- Неужели вы не знаете, кот, что верблюды едят траву, сено и колючки? - насмешливо спросил он Кузю. - Единственная неприятность, которую я могу вам сделать, - это плюнуть на вас. Но я не собираюсь плевать. Мне не до этого. Даже я, верблюд, умираю от жажды.

- Пожалуйста, не умирайте, - попросил я бедного верблюда, но он только застонал в ответ.

- Никто дольше верблюда не может переносить жажду. Но наступает время, когда и верблюд протягивает ноги. В лесу уже много зверей погибло. Есть еще живые, но и они умрут, если их немедленно не спасти.

Из лесу доносились тихие стоны. Мне было так жалко несчастных зверушек, что я немножко забыл о воде.

- А могу я чем-нибудь помочь им? - спросил я верблюда.

- Ты можешь их спасти, - ответил верблюд.

- Тогда побежим в лес, - сказал я.

Верблюд рассмеялся от радости, а Кузя совсем не обрадовался.

- Думай, что говоришь, - недовольно шипел кот. - Как это ты можешь их спасти? Какое тебе дело до них?

- Ты эгоист, Кузя, - сказал я ему спокойно. - Обязательно пойду их спасать. Вот верблюд расскажет мне, что надо сделать, я их и спасу. А ты, Кузя...

Только было собрался сказать Кузе, что я думаю о его выходке, как рядом со мною что-то сильно затрещало. Скрюченное дерево распрямило сухие ветки и превратилось в сморщенную худую старуху в рваном платье. В ее спутанных волосах застряли сухие листья.

Верблюд со стоном шарахнулся в сторону. Старуха стала разглядывать нас с Кузей. Мне было совсем не страшно, даже когда она загудела басом:

Кто здесь кричит, нарушая покой?

Скверный мальчишка, кто ты такой?

- Не говори, что ты Перестукин, - испуганно зашептал Кузя. - Скажи, что ты Серокошкин.

- Сам ты Серокошкин. А моя фамилия - Перестукин, и мне нечего ее стыдиться.

Как только старуха услышала это, она сразу переменилась, согнулась пополам, состроила сладкую улыбку и от этого стала еще противней. И вдруг... она стала расхваливать меня на все лады. Она хвалила, я удивлялся, а верблюд стонал. Она говорила, что именно я, Виктор Перестукин, помог ей превратить зеленый сухой лес в сухие бревна. Все борются с засухой, один только я, Виктор Перестукин, оказался ее лучшим другом и помощником. Оказывается, что я, Виктор Перестукин, сказал на уроке волшебные слова...

- Так я и знал, - отчаянно завопил Кузя. - Наверное, ты, хозяин, брякнул что-нибудь неподходящее.

- Твой хозяин, - застонал верблюд, - брякнул на уроке, что вода, которая испаряется с поверхности рек, озер, морей и океанов, исчезает.

- Круговорот воды в природе, - вспомнил я. - Зоя Филипповна! Пятая двойка!

Старуха выпрямилась, подбоченилась и забасила:

Он правильно сказал, что навсегда

Исчезнет ненавистная вода

И все живое сгинет без следа.

Это чучело почему-то говорило только стихами. От ее слов пить хотелось еще больше. Из леса снова слышались стоны. Верблюд подошел ко мне и зашептал на ухо:

- Ты можешь спасти несчастных... Вспомни круговорот воды, вспомни!

Легко сказать - вспомни. Зоя Филипповна битый час держала меня у доски, и то я ничего не мог вспомнить. - Ты должен вспомнить! - злился Кузя. - По твоей вине мы страдаем. Ведь это ты сказал на уроке дурацкие слова.

- Какая ерунда! - закричал я сердито. - Что могут сделать слова?

Старуха заскрипела своими сухими сучьями и опять стала говорить стихами:

Вот что сделали слова:

В сено высохла трава,

Больше дождь не будет капать,

Звери вытянули лапы,

Пересохла водопада,

И засохли все цветы.

Это то, что мне и надо, -

Царство мертвой красоты.

Нет, это было невыносимо! Кажется, я, в самом деле, что-то натворил. Придется все-таки вспомнить круговорот. И я начал бормотать:

- Вода, испаряется с поверхности рек, озер, морей...

Старуха испугалась, что я вспомню, и пустилась плясать, да так, что сухие ветки и листья летели во все стороны. Она волчком вертелась передо мной и выкрикивала:

Я ненавижу воду,

Дождей я не терплю.

Засохшую природу

Я до смерти люблю.

Голова у меня кружилась, пить хотелось все больше и больше, но я не сдавался и вспоминал изо всех сил:

- Вода испаряется, превращается в пар, превращается в пар и...

Старуха подбежала ко мне, замахала руками перед самым носом и стала шипеть:

В это самое мгновение

На тебя найдет забвенье,

Все, что знал и что учил,

Ты забыл, забыл, забыл...

О чем я спорил со старухой? Почему злился на нее? Ничего не помню.

- Вспоминай, вспоминай! - отчаянно кричал Кузя, прыгая на задних лапах. - Ты говорил, вспоминал...

- О чем говорил?

- О том, что пар превращается...

- Ах да, пар!.. - Я вдруг все вспомнил: - Пар охлаждается, превращается в воду и падает на землю дождем. Идет дождь!

Внезапно набежали тучи, и сразу же на землю упали крупные капли. Потом они стали падать все чаще и чаще - земля потемнела.

Зазеленели листья деревьев и трава. По руслу реки весело побежала вода. С вершины скалы с шумом хлынул водопад. Из лесу слышались радостные голоса зверей и птиц.

Я, Кузя и верблюды, промокшие насквозь, плясали вокруг перепуганной Засухи и кричали ей прямо в ее корявые уши:

Дождик, дождик, шибче лей-ка!

Гибни, Засуха-злодейка!

Будет дождик долго лить,

Будут звери много пить.

Старуха вдруг изогнулась, растопырила руки и снова превратилась в сухое скрюченное дерево. Все деревья шумели свежими зелеными листьями, только одно дерево - Засуха - стояло голое и сухое. Ни одна дождевка на него не падала.

Из лесу выбежали звери. Они вволю напились воды. Зайцы прыгали и кувыркались. Лисы махали рыжими хвостами. Белки скакали по веткам. Ежи катались, как мячики. А птицы стрекотали так оглушительно, что я не мог понять ни слова из всей их болтовни. Моего кота охватил телячий восторг. Можно было подумать, что он нализался валерьянки.

- Пейте! Лакайте! - кричал Кузя. - Это мой хозяин сделал дождь! Это я помог хозяину достать столько воды! Пейте! Лакайте! Пейте сколько влезет! Мы с хозяином угощаем всех!

Не знаю, сколько времени мы бы вот так веселились, если бы из лесу не раздался страшный рев. Птицы исчезли. Звери мгновенно разбежались, словно их тут и не было. Только верблюд остался, но и он задрожал от страха.

- Спасайтесь! - закричал верблюд. - Это белый медведь. Он заблудился. Бродит тут и ругает Виктора Перестукина. Спасайтесь!

Мы с Кузей быстро зарылись в кучу листьев. Бедняга верблюд не успел удрать.

На полянку вывалился огромный белый медведь. Он стонал и обмахивался веткой. Он жаловался на жару, рычал и ругался. Наконец он заметил верблюда. Мы не дыша, лежали под мокрыми листьями, все видели и все слышали.

- Это что такое? - ревел медведь, указывая лапой на верблюда.

- Это, простите, я - верблюд. Травоядное животное.

- Я так и думал, - с отвращением сказал медведь. - Горбатая корова. Зачем ты родился таким уродом?

- Простите. Больше не буду.

- Прощу, если ты скажешь, где находится север.

- С большой радостью скажу, если вы мне объясните, что такое север. Круглое это или длинное? Красное или зеленое? Чем пахнет и какое на вкус?

Медведь, вместо того чтобы поблагодарить вежливого верблюда, с ревом на него набросился. Тот припустил изо всех своих длинных ног в лес. В минуту оба исчезли из глаз.

Мы вылезли из кучи листьев. Мяч медленно тронулся, и мы побрели за ним. Мне очень жаль было, что из-за этого грубияна медведя мы потеряли такого хорошего парня, как верблюд. Но Кузя о верблюде не жалел. Он все еще продолжал хвастаться тем, что мы с ним "сделали воду". Я не слушал его болтовни. Я опять думал. Так вот что значит круговорот воды в природе! Оказывается, вода на самом деле не исчезает, она просто превращается в пар, а потом охлаждается и опять падает на землю в виде дождя. А если бы она совсем исчезла, то понемножку бы солнце все высушило и мы, люди, и животные, и растения высохли. Как те рыбки, которых я видел на дне высохшей речки. Вот так-то! Выходит, что Зоя Филипповна поставила мне двойку за дело. Самое смешное, что и на уроке она говорила мне то же самое, и не раз. Почему же я не понял и не запомнил? Потому, наверно, что слушал и не слышал, смотрел и не видел...

Солнца не было видно, а все же становилось жарко. Снова захотелось пить. Но, хотя лес по сторонам нашей дорожки и зеленел, речки мы нигде не видели.

Мы шли. Все шли да шли. Кузя успел рассказать мне с десятков историй про собак, котов и мышей. Оказывается, он близко знаком с Люськиной кошкой по имени Топси. Мне всегда казалось, что Топси какая-то вялая и неигривая. К тому же она очень уж плаксиво и противно мяукала. Не замолчит, пока ей чего-нибудь не сунешь. А я не люблю попрошаек. Кузя мне рассказал, что Топси к тому же еще и воровка. Кузя клялся, что это она на прошлой неделе стащила у нас большой кусок свинины. Моя мама подумала на него и отхлестала его мокрым кухонным полотенце. Кузе это было не так больно, как обидно. А Топси так обожралась краденной свининой, что даже заболела. Люсины бабушка носила ее к ветеринару. Вот я вернусь, открою Люське глаза на ее милую кошечку. Я эту самую Топси обязательно разоблачу.

За разговорами мы не заметили, как подошли к какому-то чудному городу. Дома в нем были круглые, как цирк-шапито, или квадратные, или даже треугольные. Людей на улицах видно не было.

Наш мяч вкатился на улицу странного города и замер. Мы подошли к большому кубу и остановились перед ним. Два кругленьких человечка в белых халатиках и шапочках продавали газированную воду. На шапочке у одного продавца был нарисован плюс, а у другого - минус.

- Скажите, - робко спросил Кузя, - а вода у вас настоящая?

- Положительно настоящая, - ответил Плюс. - Не желаете ли выпить?

Кузя облизнулся. Нам очень хотелось пить, но вот беда - у меня не было ни копейки, а у Кузи и подавно.

- У меня нет денег, - признался я продавцам.

- А у нас вода продается не за деньги, а за правильные ответы.

Минус хитро прищурился и спросил:

- Семью девять?

- Семью девять... семью девять... - забормотал я, - кажется, тридцать семь.

- Мне так не кажется, - сказал Минус. - Ответ отрицательный.

- Дайте мне бесплатно, - попросил Кузя. - Я кот. И не обязан знать таблицу умножения.

Оба продавца вынули какие-то бумаги, читали их, листали, просматривали и потом хором объявили Кузе, что у них нет распоряжения поить неграмотных котов бесплатно. Пришлось Кузе только облизнуться.

К киоску подкатил велосипедист.

- Скорее воды! - закричал от, не слезая с велосипеда. - Я очень тороплюсь.

- Семью семь? - спросил Минус и протянул ему стакан с искристой розовой водой.

- Сорок девять. - Ответил гонщик, на ходу выпил воду и умчался.

Я спросил продавцов, кто он такой. Плюс рассказал, что это знаменитый гонщик, который занимается тем, что проверяет домашние работы по арифметике.

Ужасно хотелось пить. Особенно когда перед глазами стояли сосуды с прохладной розовой водой. Я не выдержал и попросил задать еще вопрос.

- Восемью девять? - спросил Минус и налил воды в стакан. Она так и шипела, так и покрывалась пузырьками.

- Семьдесят шесть! - выпалил я, надеясь, что попаду.

- Мимо, - сказал Минус и выплеснул воду. Было страшно неприятно смотреть, как чудесная вода впитывалась в землю.

Кузя стал тереться о ноги продавцов и униженно просить, чтобы они задали его хозяину легкий, самый легкий вопрос, на который смог бы ответить любой лодырь и двоечник. Я прикрикнул на Кузю. Он замолчал, а продавцы несмешливо переглянулись.

- Дважды два? - улыбаясь спросил Плюс.

- Четыре, - ответил я сердито. Мне было почему-то очень стыдно. Я выпил полстакана, а остальное отдал Кузе.

Ах, как хороша была вода! Даже тетя Любаша никогда такую не продавала. Но воды было так мало, что я даже не разобрал, с каким она сиропом.

Гонщик снова показался на дороге. Он быстро крутил педали и пел:

Распевая, едет, едет,

Едет гонщик молодой.

На своем велосипеде

Он объехал шар земной.

Он летит быстрее ветра,

Не устанет никогда,

Сотни тысяч километров

Отмахает без труда.

Велосипедист проехал мимо и кивнул головой. Мне показалось, что он зря храбрится и уверяет в своей неутомимости. Я только хотел сказать об этом Кузе, как заметил, что кот сильно чем-то испуган. Шерсть у него стала дыбом, хвост распушился, спина изогнулась. Неужели здесь есть собаки?

- Спрячь, спрячь меня скорее! - взмолился Кузя. - Я боюсь... я вижу...

Я осмотрелся, но ничего на дороге не заметил. Но Кузя дрожал и твердил, что видит... ноги.

- Чьи ноги? - удивился я.

- В том-то и дело, что ничьи, - ответил кот, - очень я боюсь, когда ноги сами, без хозяина.

И правда, на дорогу вышли... ноги. Это были большие мужские ноги в старых башмаках и грязных рабочих брюках с оттопыренными карманами. На поясе брюки стягивал ремень, а выше ничего не было.

Ноги подошли ко мне и остановились. Мне стало как-то не по себе.

- А где же все остальное? - решился спросить я. - То, что выше пояса?

Ноги молча потоптались и замерли.

- Простите, вы что, живые ноги? - снова спросил я.

Ноги качнулись вперед и назад. Наверно, они хотели сказать "да". Кузя урчал и фыркал. Ноги пугали его.

- Это опасные Ноги, - шипел он потихоньку. - Они убежали от своего хозяина. Порядочные Ноги так никогда не делают. Это нехорошие Ноги. Это беспризор...

Кот не успел договорить. Правая Нога дала ему здоровенного пинка. Кузя с визгом отлетел в сторону.

- Вот видишь, видишь?! - вопил он, отряхиваясь от пыли. - Это злые Ноги, отойди от них подальше!

Кузя хотел обойти Ноги сзади, но они изловчились и лягнули его. От обиды и боли кот кричал до хрипоты. Чтобы он успокоился, я взял его на руки и стал чесать ему подбородок и лобик. Он очень это любит.

Из треугольного дома вышел мужчина в спецовке. На нем были точно такие же брюки и башмаки, как и у Ног. Мужчина подошел поближе к Ногам и сказал:

- Не ходи ты далеко от меня, товарищ, заблудишься.

Мне захотелось узнать, кто отхватил этому товарищу половину туловища.

- Не трамвай ли его переехал? - спросил я.

- Он был таким же землекопом, как и я, - грустно ответил мужчина. - И не трамвай его переехал, а ученик четвертого класса Виктор Перестукин.

Уж это было слишком! Кузя зашептал мне:

- А не лучше ли нам убраться отсюда подобра-поздорову?

Я посмотрел на мяч. Он лежал спокойно.

- Взрослым стыдно говорить неправду, - упрекнул я землекопа. - Как мог Витя Перестукин переехать человека? Это же сказки.

Землекоп только вздохнул.

- Ничего ты, мальчик, не знаешь. Этот Виктор Перестукин решал задачу, и у него получилось, что траншеей выкопали полтора землекопа. Вот и осталась от моего товарища только половина...

Тут я вспомнил задачу про погонные метры. Землекоп тяжело вздохнул и спросил, доброе ли у меня сердце. Откуда мне было это знать? Никто про это со мной не говорил. Правда, мама иногда утверждала, что у меня совсем нет сердца, но я в это не верил. Все-таки что-то стучит у меня внутри.

- Не знаю, - ответил я честно.

- Если бы у тебя было доброе сердце, - печально говорил землекоп, - ты пожалел бы моего бедного друга и постарался ему помочь. Надо только правильно решить задачу, и он снова станет тем, кем был раньше.

- Попробую, - сказал я, - попробую... А вдруг не сумею?!

Землекоп порылся в кармане и вытащил смятый листок. На нем моим почерком было написано решение задачи. Я задумался. А вдруг опять ничего не выйдет? А если получится, что траншеей выкопал один с четвертью землекопа? Тогда от его товарища останется всего одна нога? Мне даже стало жарко от таких мыслей.

Потом я вспомнил совет Запятой. Это меня немножко успокоило. Буду думать только о задаче, буду решать медленно. Буду рассуждать, как учил меня Восклицательный.

Я посмотрел на Плюса и Минуса. Они насмешливо подмигивали друг другу одинаковыми круглыми глазками. Не дали небось, жадюги, напиться!.. Я показал им язык. Они не удивились и не обиделись. Наверно, не поняли.

- Ваше мнение о мальчике, братец Минус? - спросил Плюс.

- Отрицательное, - ответил Минус. - А ваше, братец Плюс?

- Положительное, - кисло сказал Плюс.

По-моему, он врал. Но после их разговора я твердо решил справиться с задачей. Я начал решать. Думать только о задаче. Рассуждал, рассуждал, рассуждал до тех пор, пока задача не решилась. Ну и здорово же я обрадовался! Оказалось, что для рытья траншеи потребовалось не полтора, а целых два землекопа.

- Получилось два землекопа! - объявил я решение задачи.

И тут же Ноги сразу превратились в землекопа. Он был точно такой же, как и первый. Оба они поклонились мне и сказали:

В работе, в жизни и труде

Желаем мы тебе удачи.

Учись всегда, учись везде

И правильно решай задачи.

Плюс и Минус сорвали с голов шапочки, подбросили их в воздух и весело выкрикнули:

- Пятью пять - двадцать пять! Шестью шесть - тридцать шесть!

- Спаситель ты мой! - кричал второй землекоп.

- Великий математик! - восторгался его товарищ. - Встретишь Виктора Перестукина - передай, что он лодырь, глупый и злой мальчишка!

- Уж кто-кто, а он обязательно передаст, - съехидничал Кузя.

Мне пришлось обещать, что передам. А то землекопы ни за что не убрались бы.

Конечно, нехорошо, что они меня под конец обругали, но все же мне было очень приятно, что я сам решил эту трудную задачу. Ведь ее не могла решить даже Люськина бабушка, хотя она самая способная к арифметике из всех бабушек нашего класса. Может быть, у меня уже начал выработываться характер? Вот это было бы здорово!

Снова проехал велосипедист. Он уже не пел и не пил. Видно было, что он едва держался в седле.

Кузя неожиданно выгнул спину и зашипел.

- Что с тобой? Опять ноги? - спросил я.

- Не ноги, а лапы, - ответил кот, - а на лапах зверь. Спрячемся...

Мы с Кузей бросились к маленькому круглому домику с решетчатым окном. Дверь оказалась запертой, и нам пришлось забиться под крыльцо. Там, лежа под крыльцом, я вспомнил, что мне надо презирать опасность, а не прятаться. Я уже было выглянул, но увидел на дороге нашего старого знакомого - белого медведя. Надо было вылезти, но... очень уж страшно. Белых медведей даже укротители и то боятся.

Наш белый медведь казался еще более злым, чем при первой встрече. Он вздыхал, рычал, ругал меня, умирал от жажды, искал север.

Мы притаились, пока он не прошел мимо домика. Кузя стал допытываться, чем бы это я мог так досадить страшному зверю. Чудак Кузя. Если бы я сам это знал.

- Белый медведь - злой и беспощадный зверь, - пугал меня Кузя. - Интересно, ест ли он котов?

- Пожалуй, если и ест, то только морских котов, - сказал я Кузе, чтобы немножко его успокоить. Но точно я и сам не знал.

Вообще, пора бы отсюда убираться. Делать здесь было нечего. Но мяч лежал, и нам приходилось ждать.

Из круглого домика, под крыльцом которого мы прятались, донесся жалобный стон. Я подошел поближе.

- Пожалуйста, не ввязывайся ни в какие истории, - попросил меня Кузя.

Я постучал в дверь. Раздался еще более жалобный стон. Заглянул в окно и ничего не увидел. Тогда я стал колотить кулаком в дверь и громко кричать:

- Эй, кто там?!

- Это я, - послышалось в ответ. - Невинно осужденный.

- А кто ты такой?

- Я несчастный портной, меня обвинили в краже.

Кузя прыгал вокруг меня и требовал, чтобы я не связывался с вором. А мне было интересно узнать, что же украл портной. Я стал его расспрашивать, но портной не хотел сознаваться и уверял, что он самый честный человек на свете. Он утверждал, что его оклеветали.

- Кто же вас оклеветал? - спросил я портного.

- Виктор Перестукин, - нахально ответил заключенный.

Да что это на самом деле? То половина землекопа, то вор портной...

- Это неправда, неправда! - закричал я в окошко.

- Нет, правда, правда, - канючил портной. - Вот послушай. Как заведующий швейной мастерской, я получил двадцать восемь метров ткани. Надо было узнать, сколько костюмов можно из нее сшить. И вот на мое горе этот самый Перестукин решает, что я должен сшить из двадцати восьми метров двадцать семь костюмов да еще получить один метр в остатке. Ну как же можно сшить двадцать семь костюмов, когда на один только костюм идет три метра?

Я вспомнил, что именно за эту задачу мне вклеили одну из пяти двоек.

- Ерунда какая-то, - сказал я.

- Бред собачий, - добавил Кузя.

- Да, для вас ерунда, - захныкал портной, - а с меня на основании этого решения потребовали двадцать семь костюмов. Откуда я бы их взял? Тогда меня обвинили в краже и посадили за решетку. - А нет ли у вас с собой этой задачи? - спросил я.

- Конечно, есть, - обрадовался портной. - Мне ее вручили вместе с копией приговора.

Через решетку он протянул мне бумагу. Я ее развернул и увидел написанное моей рукой решение задачи. Совсем неправильное решение. Я сначала делил единицы, а потом десятки. Потому так глупо и получилось. Тут даже и думать много не пришлось, чтобы исправить решение. Я сказал портному, что он должен был сшить всего девять костюмов.

В этот момент дверь сама распахнулась и из нее выбежал человек. На поясе у него болтались большие ножницы, а на шее висел сантиметр. Человек обнял меня, подпрыгнул на одной ножке и закричал:

- Слава великому математику! Великому маленькому неизвестному математику слава! Позор Виктору Перестукину!

Потом он еще раз подпрыгнул и убежал. Его ножницы звякали, а сантиметр развевался по ветру.

На дорогу выехал еле живой велосипедист. Он задыхался, а потом вдруг как свалится с велосипеда! Я бросился поднимать его, но ничего не мог сделать. Он хрипел и закатывал глаза. - Умираю, умираю на посту, - шептал велосипедист. - Я не могу выполнить это страшное решение. Ах, мальчик, передай школьникам, что гибель веселого гонщика на совести Виктора Перестукина. Пусть отомстят за меня...

- Неправда! - возмутился я. - Никогда я вас не губил. Я вас даже не знаю!

- А... Так ты и есть Перестукин? - сказал гонщик и приподнялся. - Ну-ка, лодырь, реши задачу правильно, а не то тебе придется худо.

Он сунул мне в руки листок с задачей. Пока я читал условие задачи, гонщик ворчал:

- Решай, решай! Ты у меня узнаешь, как вычитать метры из людей. Ты у меня погоняешь велосипедистов по сто километров в час.

Конечно, сначала я старался решить задачу. Рассуждал как только мог, но пока ничего не получалось. По совести говоря, мне очень не понравилось, что гонщик так грубо со мной обращался. Когда меня просят помочь - это одно дело, а вот когда заставляют - другое. И вообще, попробуйте-ка сами думать, когда рядом с вами топают от злости ногами и ругают вас на все корки. Гонщик своей злобной болтовней мешал мне думать. Мне даже расхотелось рассуждать. Конечно, надо было взять себя в руки, но я, видно, еще недостаточно выработал волю для этого.

Кончилось тем, что я бросил листок и сказал:

- Задача не выходит.

- Ах, не выходит?! - зарычал гонщик. - Тогда сядешь туда, откуда ты выпустил портного! Посидишь там, подумаешь, пока не решишь.

В тюрьму мне не хотелось. Я бросился бежать. Гонщик помчался за мной. Кузя вскочил на крышу тюрьмы и оттуда всячески поносил гонщика. Он его сравнивал со всеми свирепыми псами, каких только встречал в жизни. Конечно, гонщик догнал бы меня, если бы не кот. Прямо с крыши Кузя бросился ему под ноги. Гонщик упал. Я не стал ждать, пока он поднимется, вскочил на его велосипед и покатил по дороге.

Гонщик и Кузя скрылись из виду. Я еще проехал немножко и слез с велосипеда. Надо было подождать Кузю и найти мяч. В суматохе я забыл посмотреть, где он. Велосипед я бросил в кусты, а сам свернул в лес, сел под

дерево отдохнуть. Когда стемнеет, решил я, пойду искать своего кота. Было тепло и тихо. Прислонившись к дереву, я незаметно уснул. Когда открыл глаза, то увидел, что рядом со мной стоит старушка, опираясь на палочку. Она была в синей короткой юбке и белой кофточке. На ее седых косичках торчали пышные банты из белых нейлоновых лент. Такие ленты носили все наши девочки. Но больше всего меня удивило то, что на ее сморщенной шее болтался красный пионерский галстук.

- Бабушка, а почему на вас пионерский галстук? - спросил я.

- Потому, что я пионерка, - старушечьим голосом ответила она. - А ты, мальчик, из какого класса?

- Из четвертого.

- И я из четвертого... Ох, как болят мои ноги! Я прошла много тысяч километров. Сегодня наконец должна встретиться со своим братом. Он идет мне навстречу.

- А почему вы идете так долго?

- О, это длинная и печальная история! - вздохнула старушка и села со мной рядом. - Один мальчик решал задачу. Из двух сел, расстояние между которыми двенадцать километров, вышли навстречу друг другу брат и сестра...

У меня просто заныло под ложечкой. Я сразу понял, что добра от ее рассказа ждать нечего. А старушка продолжала:

- Мальчик решил, что они встретятся через шестьдесят лет. Мы подчинились этому глупому, злomu, неправильному решению. И вот все идет, идем... Измучились, постарели...

Наверно, она бы еще долго жаловалась и рассказывала о своем путешествии, но вдруг из-за кустов вышел старичок. Он был в трусиках, белой блузе и красном галстуке.

- Здравствуй, сестра, - прошамкал старичок-пионер.

Старушка расцеловала старичка. Они смотрели друг на друга и горько плакали. Мне стало их очень жаль. Я взял у старушки задачу и хотел ее перерешить. Но она только вздохнула и покачала головой. Она сказала, что эту задачу должен решить только Виктор Перестукин. Пришлось сознаться, что Перестукин - это я. Лучше бы я этого не делал!

- Теперь ты пойдешь с нами, - строго сказал старичок.

- Не могу, мне мама не позволяет, - отбивался я.

- А нам мама позволяла уходить из дому без спроса на шестьдесят лет?

Чтобы старички-пионеры мне не мешали, я залез на дерево и стал там решать. Задача была пустяковая, не то, что про гонщика. Я справился с ней быстро.

- Вы должны были встретиться через два часа! - закричал я сверху.

Старички тотчас же превратились в пионеров, и они очень обрадовались. Я слез с дерева и веселился вместе с ними. Мы взялись за руки, танцевали и пели:

Мы теперь уж не седые,

Мы ребята молодые.

Мы теперь не старики,

Мы опять ученики.

Мы закончили задачу.

Больше незачем шагать!

Мы свободны. Это значит -

Можно петь и танцевать!

Брат и сестра помахали мне на прощание и убежали.

Я опять остался один и начал думать о Кузе. Где мой бедный кот? Я вспомнил его смешные советы, глупые кошачьи истории, и мне становилось все грустнее... Совсем один в этой непонятной стране! Надо было скорее отыскать Кузю.

К тому же я потерял мяч. Это меня мучило. А если я никогда не смогу вернуться домой? Что ожидает меня? ведь каждую минуту здесь может случиться что-нибудь страшное. А не вызвать ли мне Географию?

Я решил идти и считать до тысячи. Если за это время ничего не произойдет, я буду считать до двух тысяч, ну а если что-то случится, тогда я позову на помощь... может быть, позову, а может быть, и нет...

Шел и считал очень медленно. Лес становился все гуще. Мне так захотелось видеть своего кота, что я не удержался и громко крикнул:

- Кузя!

И вдруг откуда-то донеслось гулкое мяуканье. Я очень обрадовался и стал громко звать кота.

- Я здесь, - слышался далекий неясный голос Кузи.

- Где ты? Я тебя не вижу.

- Сам ничего не вижу, - жаловался Кузя. - Посмотри вверх.

Я поднял голову и стал внимательно осматривать ветки. Они качались и шумели. Кузи нигде не было видно. Вдруг я заметил среди листвы серый мешок. В нем что-то шевелилось. Я тут же влез на дерево, добрался до мешка и развязал его. Охая и фыркая, оттуда вывалился растрепанный Кузя. Мы очень обрадовались друг другу. Так обрадовались, что чуть не свалились с дерева. Потом, когда мы слезли с него, Кузя рассказал о том, как гонщик поймал его, сунул в мешок и повесил на дерево. Гонщик очень зол на меня. Он всюду разыскивает свой велосипед. Если гонщик поймают нас, то непременно посадит в тюрьму за нерешенную задачу и угон велосипеда.

Мы стали выбираться из леса. Вышли на небольшую полянку, где росло красивое высокое дерево. На его ветках висели булки, сайки, бублики и крендельки.

Хлебное дерево! Когда я говорил на уроке, что на хлебном дереве растут булочки и бублики, все смеялись надо мной. А что теперь сказали бы ребята, увидев это дерево?

Кузя нашел другое дерево, на котором росли вилки, ножи, ложки. Железное дерево! И о нем я рассказывал. Тогда тоже все смеялись.

Кузе хлебное дерево понравилось больше, чем железное. Он понюхал румяную булочку. Ему очень хотелось съесть ее, но он не решался.

- Съешь да превратишься еще в собаку, - ворчал Кузя. - В странной стране надо всего остерегаться.

А я сорвал булку и съел. Она была теплая, вкусная, с изюмом. Когда мы подкрепились, Кузя стал искать колбасное дерево. Но здесь такие деревья не росли. Пока мы ели булки и болтали, из лесу вышла большая рогатая корова и уставилась на нас. Наконец-то мы увидели доброе домашнее животное. Не свирепого медведя, даже не верблюда, а милую деревенскую Буренку.

- Здравствуй, дорогая коровушка!

- Здравствуй, - равнодушно сказала корова и подошла поближе. Она внимательно разглядывала нас. Кузя спросил, чем это мы ей так понравились. Корова вместо ответа подошла еще ближе и нагнула рога. Мы с Кузей переглянулись.

Что ты собираешься делать, корова? - спросил Кузя.

- Ничего особенного. Я просто съем тебя.

- Да ты с ума сошла! - удивился Кузя. - Коровы не едят котом. Они едят траву. Это все знают! - Не все, - возразили корова. - Виктор Перестукин, например, не знает. Он сказал на уроке, что корова - животное плотоядное. Поэтому я и стала есть других животных. Почти всех здесь уже съела. Сегодня съем кота, а завтра мальчика. Можно, конечно, съесть обоих сразу, но при таком положении приходится быть экономной.

Никогда я не встречал такой противной коровы. Я доказывал ей, что она должна питаться сеном и травой. А есть человека она не смеет. Корова лениво махала хвостом и твердила свое:

- Все равно я вас обоих съем. Начну с кота.

Мы так горячо спорили с коровой, что не заметили, как возле нас появился белый медведь. Бежать было уже поздно.

- Кто такие? - рывкнул медведь.

- Мы с хозяином путешествуем, - испуганно пискнул Кузя.

Я добавил, что путешествуем не просто так, бесцельно, а для образования. С научной целью. Медведь слушал, обмахивался веткой и ворчал. Ему было очень жарко в своей белой шубе.

Корова вмешалась в наш разговор. Она заявила, что мы с Кузей ее добыча и она не уступит нас медведю. В лучшем случае, так как она не желает вступать в конфликт, медведь может закусить мальчиком, а о коте не может быть и речи. Она твердо решила съесть его сама. Видно, она думала, что кот вкуснее мальчика. Нечего сказать, милое домашнее животное!

Не успел медведь ответить корове, как сверху послышался шум. На нас посыпались листья и сломанные ветки. На толстом суку усаживалась огромная и странная птица. У нее были длинные задние лапы, короткие передние, толстый хвост и хорошенькая мордочка без всякого клюва. Два

неуклюжих крыла торчали у нее за спиной. Птицы стайей, носились вокруг нее и тревожно кричали. Наверно, они тоже впервые увидели такую пташечку.

- Что это за уродина? - невежливо спросил медведь.

А корова поинтересовалась, можно ли ее есть. Кровожадная тварь! Мне хотелось запустить в нее камнем.

- Это птица? - удивленно спросил Кузя.

- Таких больших птиц не бывает, - ответил я.

- Эй, на дереве! - заревел медведь. - Ты кто такая?

- Я птица-кенгуру, - нежным голосом пропело чудовище.

- Врешь! - разозлился медведь. - Кенгуру не летают. Ты зверь, а не птица.

Корова тоже подтвердила, что кенгуру не птица. И тут же добавила:

- Взгромоздилась такая туша на дерево и строит из себя соловья. Слезай вниз, самозванка! Я тебя съем.

Кенгуру рассказала, что раньше она в самом деле была зверем, пока один добрый волшебник на уроке не объявил ее птицей. После этого у нее выросли крылья и она стала летать. Летать весело и приятно!

Завистливую корову разозлили слова кенгуру.

- Чего мы ее слушаем? - спросила она медведя. - Давайте ее лучше скушаем.

Тут я схватил здоровенную еловую шишку и угодил корове прямо в нос.

- До чего же ты кровожадная! - упрекал я корову.

- Ничего не поделаешь. Это все потому, что я плотоядная.

Мне понравилась веселая кенгуру. Только она одна не ругала меня и ничего не требовала.

- Слушай, кенгуриха! - проревел медведь. - Неужели ты, в самом деле, стала птицей?

Кенгуру клялась, что рассказала правду. Теперь она даже учится петь. И тут же затянула смешным голоском:

Такое счастье снится

Нам может лишь во сне:

Внезапно стала птицей.

Летать приятно мне!

Была я кенгуру,

А птицею умру!

- Безобразия! - возмутился медведь. - Все перевернулось. Коровы едят котиков. Звери летают, как птицы. Белые медведи теряют родной север. Где это видано?

Корова недовольно замычала. Такой порядок и ей был не по душе. Только кенгуру была всем довольна. Она сказала, что даже благодарна за такое превращение доброму Виктору Перестукину.

- Перестукину? - грозно спросил медведь. - Я ненавижу этого мальчишку! Вообще я не люблю мальчишек!

И медведь бросился на меня. Я быстро взобрался на железное дерево. Кузя метнулся за мной. Кенгуру кричала, что стыдно и неблагородно преследовать беззащитного детеныша-человеныша. Но медведь лапами, а корова рогами стали трясти дерево. Кенгуру не могла видеть такую несправедливость, взмахнула крыльями и улетела.

- Не пытайся улизнуть, кот, - мычала корова снизу. - Я научилась ловить даже мышей, а их труднее поймать, чем кота.

Железное дерево раскачивалось все сильнее. Мы с Кузей бросали в медведя и корову ножи, вилки, ложки.

- Слезайте! - вопили звери.

Было ясно, что долго нам не продержаться. Кузя умолял меня срочно вызвать Географию. По правде сказать, я и сам уже хотел это сделать. Видали бы вы оскаленную жадную морду коровы! Она совсем не походила на ту красивую коровку, которая нарисована на сливочном шоколаде. А медведь был еще страшнее.

- Вызывай скорее Географию! - вопил Кузя. - Я боюсь их, боюсь!

Кузя судорожно цеплялся за ветки. Неужели и я такой же трус, как кот?

- Нет, мы еще продержимся! - крикнул я Кузе, но ошибся.

Железное дерево закачалось, заскрежетало, и с него градом посыпались железные плоды, а вместе с ними свалились и мы с Кузей.

- У-у, - зарычал медведь. - Теперь-то я с вами разделаюсь!

Корова потребовала соблюдать правила охоты. Она уступает мальчишку медведю, а кот принадлежит ей.

Последний раз я решил попытаться уговорить корову:

- Послушай, буренушка, ты все-таки должна питаться травой, а не котами.

- Ничего не могу сделать. Я плотоядная.

- Да совсем ты не плотоядная, - доказывал я в отчаянии. - Ты... ты... парнокопытная.

- Ну и что же?.. Я могу быть парнокопытной и плотоядной.

- Да нет же!.. Ты сеноядное... фруктоядное...

- Хватит молоть чепуху! - прервал меня медведь. - Лучше вспомни, где север.

- Одну минуточку, - попросил я медведя. - Ты, корова, травоядное животное! Травоядное!

Как только я это сказал, корова жалобно замычала и тут же стала жадно щипать траву.

- Наконец-то сочная травка! - радовалась она. - Мне так надоели суслики и мыши. От них у меня портится желудок. Я все же корова, люблю сено и траву.

Медведь очень удивился. Он спросил корову: а как же теперь будет с котом? Станет корова его есть или нет?

Корова обиделась. Она еще не сумасшедшая, чтобы есть кошек. Коровы никогда этого не делают. Они едят траву. Это знают даже дети.

Пока корова и медведь спорили, я решил применить одну военную хитрость. Обману медведя: скажу ему, что я знаю, где находится север, а после вместе с Кузей улизну по дороге.

Медведь махнул лапой на корову и снова стал требовать, чтобы я показал ему север. Я для вида немного поломался, а потом обещал показать...

И вдруг я увидел наш мяч! Он сам прикатился ко мне, сам нашел нас! Это было очень кстати.

Мы втроем - я, Кузя и медведь - пошли за мячом. Противная корова даже не попрощалась с нами. Она так соскучилась по траве, что не могла от нее оторваться.

Идти нам было уже не так весело и приятно, как раньше. Рядом со мной пыхтел и ворчал медведь, и надо было еще придумать способ, как от него избавиться. Это оказалось делом нелегким, потому что он мне нисколько не верил и не спускал с меня глаз.

Эх, знать бы мне, где находится север! И компас мне папа подарил, и на уроках сто раз объясняли, так нет же - не слушал, не выучил, не понял.

Мы все шли да шли, а я пока ничего не мог придумать. Кузя потихоньку ворчал, что моя военная хитрость не удалась и надо сбежать от медведя без всякой хитрости.

Наконец медведь объявил, что если я не покажу ему север, то, когда мы дойдем вот до того дерева, он разорвет меня на части. Я ему наврал, что от того дерева до севера совсем близко. А что мне еще оставалось делать?

Мы все шли, шли, но до дерева никак не могли добраться. А когда, наконец, добрались, я сказал, что говорил не про это дерево, а во-он про то! Медведь понял, что его обманывают. Он оскалил зубы и приготовился к прыжку. И в этот самый страшный миг из лесу прямо на нас вдруг выскочила автомашина. Испуганный медведь взревел и рванул такую стометровку, какой не видели, наверно, ни на одной олимпиаде. Мгновение - и Мишки простыл след.

Автомашина резко остановилась. В ней сидели два человека, одетые точь-в-точь так, как я однажды видел в опере "Борис Годунов", которую передавали по телевизору. У того, что вертел баранку, на плече сидел сокол в шапочке, надвинутой на глаза, а у другого такой же сокол вцепился когтями в длинную кожаную рукавицу. Оба были бородатые, только один черный, а другой - рыжий. На заднем сиденье машины лежали две метлы, украшенные... собачьими головами. Все мы в изумлении смотрели друг на друга и молчали.

Первым очнулся Кузя. С отчаянным визгом он бросился бежать и ракетой взлетел на верхушку высокой сосны. Бородачи вылезли из автомашины и подошли ко мне.

- Кто таков? - спросил чернобородый.

- Я мальчик, - ответил я.

- Чей ты человек? - допытывался рыжебородый.

- Говорю же вам: я мальчик, а не человек.

Чернобородый внимательно осмотрел меня со всех сторон, потом пощупал мою трикотажную майку, удивленно покрутил головой и переглянулся с рыжебородым.

- Чудной какой-то, - сказал он со вздохом, - и рубаха вроде... заморская... Так чей же ты, паря, будешь?

- Русским языком вам сказал: я мальчик, ученик.

- Пойдешь с нами, - приказал рыжебородый. - Покажем тебя самому царю. Видать, ты из блаженных, а он блаженных любит.

Нет, эти бородачи - чудаки! Какого-то еще царя выкопали, о каких-то блаженных твердят. Я знал только одного из блаженных - храм Василия Блаженного. Такая была фамилия строителя храма. Но при чем тут я?

- Вы что, историю не читали? - спросил я бородачей. - Какому царю вы собираетесь меня показывать? Царей давно нет. Последнего русского царя еще в семнадцатом году ликвидировали... как класс, - добавил я, чтобы им было понятней, этим неучам.

Бородачам мое выступление явно не понравилось. Они нахмурились и подошли еще ближе.

- Воровские слова говоришь? - грозно надвигался чернобородый. - Крути ему руки!

Рыжий быстро развязал свой кушак, стянул мне за спиной руки и бросил меня в автомашину. Не успел я и пикнуть, как она взревела и сорвалась с места. Сквозь пыль мелькнула голова Кузи, который бежал следом и что-то отчаянно вопил. Я слышал только одно слово:

"География!"

Все ясно. Кузя просил меня вызвать Географию, а я считал, что дела наши не так уж плохи. Еще можно повременить.

Бородачи везли меня, наверно, по очень плохой дороге. Машину подбрасывало, трясло и качало. Конечно, это был не асфальт.

Послышался колокольный звон. Я поднял голову и увидел храм Василия Блаженного. Тут же мне дали по уху, и я нырнул на дно. Автомашина подкатила к большому старинному дому. Меня долго вели по крутым узким лестничкам. Затем мне развязали руки и втолкнули в большую комнату со сводчатым потолком. Вдоль стен вместо стульев стояли широкие дубовые

лавки. Середину комнату занимал большой стол, покрытый тяжелой красной скатертью. На нем, кроме телефона, ничего не было.

За столом сидел толстый и тоже бородатый мужчина. Он громко и со свистом храпел. Но мои бородачи не посмели его будить. Так мы и стояли молча, пока не зазвонил телефон. Толстяк проснулся и басом рявкнул в трубку:

- Дежурный опричник слушает... Нету царя... Где, где... На объекты поехал. Бояр истребляет, а землю раздает опричникам... Не опаздывает он, а задерживается... Подумаешь - совещание!.. Подождете, не велики баре... Все! Договорились!

И дежурный опричник повесил трубку. Он потянулся и зевнул так, что вывихнул себе челюсть. Рыжебородый подбежал к нему и быстро вправил челюсть на место. Дежурный тут же заснул, и только новый звонок заставил его открыть глаза.

- Зазвонили, - ворчал он, снимая трубку, - прямо как на телефонной станции. Ну чего еще? Вам сказано, нет царя.

Он хлопнул трубкой, еще раз зевнул, но на этот раз осторожно, и уставился на нас.

- Кто таков? - спросил он, указывая на меня толстым пальцем, украшенным огромным перстнем.

Мои бородачи низко поклонились и рассказали, как изловили меня. Слушать их было очень странно. Говорили как будто по-русски, и в то же время многих слов я не понимал. Я, по их мнению, был не то блаженным, не то чудным.

- Чудной? - медленно проговорил дежурный опричник. - Ну, коли чудной... в шуты его. А вы ступайте!

Мои бородачи еще раз поклонились и ушли, а я остался с глазу на глаз с дежурным опричником. Он важно сопел, разглядывал меня и барабанил по столу толстым пальцем.

В комнату вошел мальчик в длинном кафтанчике и красных сапожках. Дежурный толстяк живо вскочил и низко ему поклонился. Мальчик ему на приветствие не ответил.

- Не след тебе сюда ходить, царевич, - сказал дежурный опричник, - это государев кабинет.

- А ты меня, холоп, не гони, - перебил его мальчик и с большим удивлением уставился на меня.

Я ему подмигнул. Он удивился еще больше. Я хотел было показать ему язык, но раздумал. Вдруг обидится. А мне этого не хотелось. Хотя его и обозвали "царевичем", мне он понравился. Лицо у него было грустное и доброе. Вот он бы и мог мне рассказать, что здесь к чему. Но познакомиться поближе нам не пришлось. Вбежала какая-то страшная старуха и с криком уволокла мальчика. Он, бедняжка, и пикнуть не успел.

Дежурный опричник снова принялся меня рассматривать. Я решил поздороваться с ним на всякий случай. Вежливость никогда не вредит делу.

- Здравствуйте, товарищ дежурный опричник, - сказал я как можно культурнее.

Толстяк вдруг весь побагровел и рявкнул:

- В ноги, щенок!

Я осмотрелся вокруг, но никакого щенка не увидел.

- Где щенок? - спросил я его

- Ты щенок! - заревел опричник.

- Я не щенок, - твердо возразил я. - Я мальчик.

- В ноги, говорю! - Он просто задышался от злости.

Дались ему эти ноги! И что он этим хотел сказать? Это надо было срочно выяснить.

- Простите, в какие ноги?

- Тронутый! - вздохнул дежурный, вынул огромный платок и вытер пот с лица. Щеки его побледнели. – Блаженный.

В кабинет ворвался запыхавшийся молодой опричник.

- Государь вернулся! - выпалил он с порога - Гневается, страсть! И Малюта Скуратов с ним! Дежурного требует!

Толстяк вскочил, испуганно перекрестился и побелел.

Оба они вихрем вылетели из кабинета и затопали по лестничкам. Я остался один. Надо было подумать, разобраться во всей этой истории. Как жаль, что

со мной нет моего Кузи! Совсем, совсем один, и посоветоваться не с кем. Я сел в кресло и глубоко вздохнул.

В кабинет вошел боярин с почтовой сумкой на плече. Он спросил, где дежурный опричник. Я рассказал, что дежурного опричника вызвал к себе царь, который чем-то разгневан. Почтальон испуганно перекрестился. Я думал, что он тут же уйдет, но он нерешительно потоптался на месте и спросил, разумею ли я грамоте. Я ответил, что расписаться сумею. Почтальон подал мне книгу, и я расписался. Тогда он вручил мне свернутую трубкой бумагу и объявил, что это послание князя Курбского. Сказав, что послание надо отдать дежурному опричнику, почтальон ушел. От скуки я развернул трубку и с большим трудом стал разбирать послание князя Курбского. Читать это послание было очень трудно, но я все же кое-как прочел о том, что на Русь движутся несметные полчища Наполеона Буонапартия. Вот так раз! Мало всех этих приключений, так еще надвигается война!

Кто-то настойчиво скребется в дверь. Мыши? Нет, они не могли скрестись так громко. Я потянул к себе тяжелую большую ручку двери, и в комнату вбежал мой дорогой Кузя.

Кот страшно запыхался, был весь в пыли. Шерсть на нем взъерошилась. Он не успел прилизаться. Я никогда не видел его таким неаккуратным.

- Едва добрался до тебя, хозяин, - сказал Кузя усталым голосом. - Чуть меня собаками не затравили. И куда мы с тобой попали? Какие-то странные люди! Совсем не уважают животных. Встретил рыжую кошечку по имени Машка. Так это просто дикарка какая-то! Спросил ее, где тут ветеринарная лечебница (хотел забежать, чтобы мне смазали йодом ранку: одна проклятая шавка все жехватила за ногу), так, представляешь, эта самая рыжуха, оказывается, и не знает, что такое "ветеринарная лечебница"! Даже кошки говорят здесь как-то не по-нашему. Бежать, хозяин, бежать! И как можно скорее!

Мы с Кузей стали обсуждать план бегства. Плохо было, что наш мяч затерялся, и мы, даже если бы нам и удалось сбежать, не знали бы, в каком направлении двигаться. Но надо было спешить. Дежурный опричник мог вернуться каждую минуту, если, конечно, царь не проткнул его насквозь клюкой, как он это проделал со своим сыном. И потом нам угрожала война...

Кузя снова завел свою старую песню:

- Вызови Географию!

Кузя требовал, чтобы я перестал разыгрывать из себя героя. По его словам, мы уже и так преодолели немало трудностей, а уж опасностям подвергались больше, чем надо для выработки воли и характера. Может быть, он и был прав, но мне не хотелось заканчивать свое путешествие так. Это все равно, что лечь самому на две лопатки.

Во время нашего спора неожиданно загремели выстрелы. Началась настоящая пальба. Что случилось? Поднялся какой-то переполох, шум, раздались крики, окно осветило зарево пожара.

- Ну, все! - в отчаянии крикнул я. - Французы наступают! Дернуло же меня за язык сказать такое на уроке!

- Я так и знал, что это твои фокусы! - свирепо закричал Кузя и даже зафыркал на меня, чего прежде никогда не случалось. - Даже я понимаю, что стыдно не знать историю своей родины, стыдно путать время и события. Двоечник ты несчастный!

Шум и выстрелы не прекращались. Без конца трещал телефон. В кабинет вбежали испуганные бояре и опричники. Все они что-то кричали и трясли длинными бородами. Я похолодел от страха. Началась война! И только я был в этом виноват. Этого нельзя было скрывать. Я вскочил на стол и закричал во весь голос:

- Стойте! Послушайте! Это я виноват, что французы наступают. Я сейчас постараюсь все исправить!

Бояре притихли.

- В чем твоя вина отрок? - сурово спросил самый старый из них.

- Я сказал на уроке, что Иван Грозный воевал с Бонапартом! За это мне вкатили пару. Если я вспомню, в каком году Наполеон начал войну с Россией, все это исчезнет. Войны не будет! Я ее остановлю.

- Немедля останови войну, отрок! - еще суровее потребовал старик. - Останови, пока тебя не казнил наш государь.

И все загалдели хором:

- Говори, а не то повесим!

- На дыбу его! Живо вспомнит!

Хорошенькое дело - вспомнит! Можно вспомнить то, что забыл, а вот как вспомнить то, чего не знаешь? Нет, я ничего не мог вспомнить. Брякнуть

опять что-нибудь наугад? Это не выход. Можно наделать еще более страшных ошибок. И я сознался, что не могу вспомнить.

Все с ревом бросились на меня и, конечно, стащили бы со стола и растерзали бы, если бы в кабинет не ворвались гвардейцы с ружьями наперевес. Все заволочло дымом.

Сквозь выстрелы и крики я услышал голос Кузи:

- Зови Географию! Не хочешь? Тогда хоть папе позвони!

И меня озарило!

- Вспомнил! Вспомнил! - закричал я. - Это была Отечественная война тысяча восемьсот двенадцатого года!

И сразу все стихло... Все вокруг побледнело... растаяло... Облако голубого дыма окутало меня и Кузю, а когда оно рассеялось, я увидел, что сижу под деревом в лесу, а на коленях у меня калачиком свернулся мой Кузя. Мяч лежал у моих ног. Все это было очень странно, но мы уже привыкли к странностям в этой странной стране. Наверное, я бы не удивился, если бы даже сам превратился в слона, а Кузя в дерево. Или наоборот.

- Объясни мне, пожалуйста, - попросил кот, - как ты вспомнил то, чего не знал?

- Когда папе поставили на работе новый телефон, мама никак не могла его запомнить, и папа сказал ей: "Но ведь это так просто! Первые три цифры такие же, как у нашего домашнего телефона, а последние четыре - год Отечественной войны - тысяча восемьсот двенадцатый". Когда ты просил меня позвонить папе, я вспомнил это. Ясно? Теперь я это твердо запомню, а вернусь домой - обязательно прочту и выучу все про Ивана Грозного. Подробно разузнаю про всех его сыновей, особенно про Федю. А вообще это здорово, Кузя, что я смог сам себе помочь. Знаешь, как приятно самому правильно решить задачу? Это все равно, что забить гол.

- Или поймать мышь, - вздохнул Кузя.

Мяч шевельнулся и тихо покатился по траве. Мы с Кузей пошли за ним. Путешествие наше продолжалось.

- А все-таки здесь очень интересно, - сказал я. - Каждую минуту нас ожидает какое-нибудь приключение.

- И всегда или неприятное, или опасное, - проворчал Кузя. - Что касается меня, я сыт по горло.

- Но зато как много необыкновенного мы здесь повидали! Все ребята будут мне завидовать, когда я им расскажу про эту Страну невыученных уроков. Зоя Филипповна вызовет меня к доске. В классе будет стоять тишина, только девочки будут ахать и охать. Может быть, Зоя Филипповна пригласит даже директора послушать мой рассказ.

- Неужели ты думаешь, что тебе кто-нибудь поверит? - спросил Кузя. - Да тебя просто засмеют!

- Почему?

- Разве люди верят в то, чего они не видели собственными глазами? И потом, твоих слов никто не может подтвердить.

- А ты? Я возьму тебя с собой в класс. Уже одно то, что умеешь говорить по-человечьи...

- Медведь! - крикнул Кузя.

Прямо на нас из лесу выскочил разъяренный белый медведь. Пар валил от него. Пасть была оскалена, и огромные зубы выставлены напоказ. Это был конец... Но Кузя, мой дорогой Кузя!..

- Прощай, хозяин! - закричал Кузя. - Я убегаю от тебя на север!

И кот бросился бежать, а медведь с ревом устремился за ним. Кузина военная хитрость удалась. Он спас меня.

Но сам...

Я побрел за мячом. Без Кузи было очень грустно. Может, медведь догнал и растерзал его в клочья? Лучше бы Кузя не ходил со мной в эту страну.

Чтобы мне не было уж так одиноко и тоскливо, я пел:

Идешь по стране ты безлюдной

И сам себе песню поешь.

Дорога не кажется трудной,

Когда вместе с другом идешь.

И то, что он друг, ты не знаешь,

И с ним ты не хочешь дружить.

Но только его потеряешь -

Как грустно становится жить.

Я очень тосковал по Кузе. Что бы там кот ни говорил - глупое или смешное, он всегда желал мне добра и был верным другом.

Мяч остановился. Я огляделся. Справа от меня громоздилась гора, покрытая снегом и льдом. На вершине ее, под заснеженной елью, сидели, дрожа от холода и прижавшись друг к другу, негритенок и обезьяна. На них падал крупными хлопьями снег.

Посмотрел налево. И там была гора, но снег здесь не падал. Наоборот, жаркое солнце сияло над горой. На ней росли пальмы, высокая трава, яркие цветы. Под пальмой сидели чукча и мой знакомый белый медведь. Неужели я никогда от него не избавлюсь? Я подошел к подножию Холодной горы и сразу замерз. Потом побежал к подножию Жаркой горы, и мне стало так душно, что захотелось стащить с себя майку. Тогда я выбежал на середину дороги. Тут было хорошо. Ни холодно, ни жарко. Нормально.

С гор слышались стоны и крики.

- Я весь трясусь, - жаловался негритенок. - Холодные белые мухи больно жалят меня! Дайте мне солнце! Прогоните белых мух!

- Я скоро растаю, как тюлений жир, - плакал маленький чукча. - Дайте хоть немного снега, хоть кусочек льда!

Белый медведь ревел так, что заглушал всех:

- Дайте же мне наконец север! Я сварюсь в собственной шкуре!

Негритенок заметил меня и сказал:

- Белый мальчик, у тебя доброе лицо. Спаси нас!

- Пожалей! - взмолился маленький чукча.

- Кто вас туда загнал? - крикнул я им снизу.

- Виктор Перестукин! - хором ответили мальчишки, медведь и обезьянка. - Он перепутал географические пояса. Спаси нас! Спаси!

- Не могу! Мне надо сперва отыскать своего кота. Потом, если у меня останется время...

- Спаси нас, - пискнула обезьянка. - Спаси, и мы отдадим тебе твоего кота.

- А разве Кузя у вас?

- Не веришь? Смотри! - рявкнул медведь.

И тотчас на Жаркой горе появился мой кот.

- Кузя! Ксс, ксс, ксс, - звал я кота. Я прыгал от радости.

- Я умираю от жары, спаси! - прохрипел Кузя и исчез.

- Держись! Иду к тебе!

Я стал взбираться на гору. На меня пахнуло жаром, как из огромной духовки.

- Хозяин! Услышал я голос Кузи совсем с другой стороны.

Я оглянулся и увидел кота уже на Холодной горе, рядом с обезьянкой. Кузя дрожал от холода.

- Я замерз. Спаси!

- Держись, Кузя! Я бегу к тебе!

Быстро сбегав с Жаркой горы, я стал карабкаться по льду на другую гору. Меня охватило холодом.

- Хозяин! - снова раздался Кузин голос.

Кот уже стоял на Жаркой горе с медведем. Я скатился по льду на середину дороги. Мне стало ясно, что они не отдадут мне Кузю.

- Отдайте мне моего кота!

- А ты скажи: в каких поясах мы должны жить?

- Не знаю. Когда учительница рассказывала о географических поясах, я читал книжку про шпионов.

Звери, услышав мой ответ, заревели, а мальчики заплакали. Медведь грозил меня растерзать, а обезьянка обещала выцарапать глаза. Кузя хрипел и задыхался. Мне было страшно жаль их всех, но что я мог сделать? Я обещал им выучить все моря и океаны, материки, острова и полуострова. Но они требовали одного: я должен был вспомнить географические пояса.

- Не могу! Не могу! - закричал я отчаянно и заткнул пальцами уши.

Сразу стало тихо. Когда я вытащил пальцы, то услышал голос Кузи:

- Я умираю... Прощай, хозяин...

Не мог я дать Кузе умереть. И я крикнул:

- Дорогая География, помогите!

- Здравствуй, Витя! - сказал кто-то возле меня.

Я оглянулся. Передо мной стоял мой учебник географии.

- Ты не можешь вспомнить географические пояса? Какая чепуха! Ты же это знаешь. Ну, в каком поясе живет обезьяна?

- В тропическом, - ответил я так уверенно, как будто и раньше знал об этом.

- А белый медведь?

- За Полярным кругом.

- Отлично, Витя. Теперь взгляни направо, потом налево.

Я так и сделал. Теперь на Жаркой горе сидел негритенок, ел банан и улыбался. Обезьянка взобралась на пальму и корчила смешные рожицы. Потом я взглянул на Холодную гору. Там развалился на льду белый медведь. Наконец-то его перестала мучить жара. Маленький чукча махал мне меховой рукавичкой.

- Где же мой Кузя?

- Я здесь.

Кот смиренно сидел у моих ног, обернув хвостом свои лапы. География спросила меня, что же я желаю: продолжать путешествие или вернуться домой?

- Домой, домой, - замурлыкал Кузя и прищурил свои зеленые глаза.

- Ну а ты, Витя?

Я тоже хотел домой. Но как туда попасть? Мой мяч куда-то исчез.

- Теперь, когда я с вами. - Спокойно сказал учебник географии, - никакой мяч не нужен. Я знаю все дороги в мире.

География взмахнула ручкой, и мы с Кузей поднялись в воздух. Поднялись и тут же опустились у порога нашего дома. Я вбежал в свою комнату. Как я соскучился по дому!

Здравствуйте, стол и стулья! Привет вам, стены и потолок!

А вот и мой милый стол с разбросанными учебниками и гвоздями.

- Как хорошо, Кузя, что мы уже дома!

Кузя зевнул, отвернулся и прыгнул на подоконник.

- Завтра же ты пойдешь со мной в школу и подтвердишь мой рассказ о Стране невыученных уроков. Ладно?

Кузя разлегся на подоконнике и стал размахивать хвостом. Потом вскочил на ноги и стал смотреть в окно. Я тоже выглянул. По двору важно шла Топси - кошка Люси Карандашкиной.

- Слушай меня, - строго сказал я Кузе. - Завтра же ты... Почему ты не отвечаешь? Кузя!

Кот упорно молчал. Я потянул его за хвост. Он мяукнул и спрыгнул с подоконника. Все! Я понял, что больше не услышу от него ни одного слова.

Учебник географии, наверно, стоял за дверью. Я выбежал, чтобы пригласить его в дом.

- Входите, дорогая География!

Но за дверью никого не было. На пороге валялась книга. Это был мой учебник географии.

Из кухни послышался мамин голос.

Как я мог забыть о ней! Как посмел, не спросясь, улететь в Страну невыученных уроков! Бедная мамочка! Она ведь страшно беспокоилась.

Мама вошла в комнату. Моя дорогая, самая лучшая, самая красивая, самая добрая мама на свете. Но она ничуть не казалась взволнованной.

- Ты беспокоилась обо мне, мамочка?

Она удивленно и внимательно на меня посмотрела. Это, наверно, потому, что я редко называю ее мамочкой.

- Я всегда беспокоюсь о тебе, - ответила мама. - Скоро экзамены, а ты так плохо готовишься. Горе ты мое!

- Мамочка, мамочка моя дорогая! Я больше не буду горе твое!

Она нагнулась и поцеловала меня. Она тоже редко это делала. Наверно, потому что я... Да ладно уж! И так понятно.

Мама еще раз поцеловала меня, вздохнула и пошла на кухню. От нее остался вкусный запах жареной курицы. Уходя, она включила радио, и я услышал: "В передаче принимали участие учительница школы номер двенадцать Зоя

Филипповна Краснова и ученица этой школы Пятеркина Катя. Передача для детей окончена".

Что такое? Нет, это не может быть! Неужели за то время, пока шла радиопередача, я успел побывать... Так вот почему мама ничего не заметила!

Я взял дневник и снова прочел, какие уроки были заданы на завтра. Исправил задачу о землекопах, правильно решил задачу о портном.

Явилась Люська Карандашкина с распущенной косичкой. Я не хотел ей рассказывать о своем путешествии... но не удержался. Рассказал. Конечно, она не поверила. Я очень рассердился на нее.

На другой день после уроков у нас было классное собрание. Зоя Филипповна попросила неуспевающих ребят рассказать, что им мешает хорошо учиться. Каждый что-нибудь да выдумывал. А когда дошла очередь до меня, я прямо сказал, что мне никто не мешает.

Вернее, мешает один человек. И этот человек - я сам. Но я буду с собой бороться. Все ребята удивились, потому что я раньше никогда не давал обещания бороться с собой. Зоя Филипповна спросила, почему и как я додумался до этого.

Я молчал. А Люська закричала во весь голос:

- Я знаю! Знаю! Он побывал в Стране невыученных уроков.

Ребята зашумели, стали просить, чтобы я рассказал об этом путешествии. Я отказывался. Все равно они мне не поверят. Но ребята обещали поверить, если будет интересно. Я еще немножко поломался, а потом попросил тех, кто хочет есть, уйти и не мешать, потому что я буду рассказывать очень долго. Конечно, есть хотелось всем, но никто не ушел. И я начал рассказывать все с самого начала, с того дня, когда я схлопотал пять двоек. Ребята сидели очень тихо и слушали.

Я рассказывал и все поглядывал на Зою Филипповну. Мне казалось, что вот-вот она остановит меня и скажет: "Хватит тебе, Перестукин, выдумывать, лучше бы уроки учил как человек". Но учительница молчала и внимательно слушала. Ребята не спускали с меня глаз, иногда потихоньку смеялись, особенно когда я рассказывал о Кузиных историях, иногда волновались и хмурили брови, иногда удивленно переглядывались. Они слушали бы еще и еще. Но я уже кончил свой рассказ, а они все еще молчали и смотрели мне в рот.

- Ну, вот и все! Молчите? Так я и знал, что вы мне не поверите.

Ребята загалдели. Все сразу, наперебой, они говорили, что если я даже и придумал, то придумал так здорово, так интересно, что можно поверить.

- А вы, Зоя Филипповна, верите? - спросил я учительницу и посмотрел ей прямо в глаза. Если бы я все это придумал, посмел бы я вот так спросить ее?

Зоя Филипповна улыбнулась и погладила меня по голове. Это было совсем удивительно.

- Верю. Я верю, что ты, Витя, будешь хорошо учиться.

И, правда. Я теперь стал лучше учиться. Даже правильная Катя сказала, что я улучшаюсь. Женьчик это подтвердил. А вот Люська по-прежнему хватает двойки и ходит с распущенной косой.

Экзамены я выдержал и в пятый класс перешел. Правда, иногда мне очень хочется поговорить с Кузей, вспомнить о том, что было с нами во время путешествия в Страну невыученных уроков. Но он молчит. Я даже стал любить его чуть-чуть меньше. Недавно я даже сказал ему: "Ну, Кузя, понравится тебе или нет, но я все-таки заведу собаку. Овчарку!"

Кузя фыркнул и отвернулся.